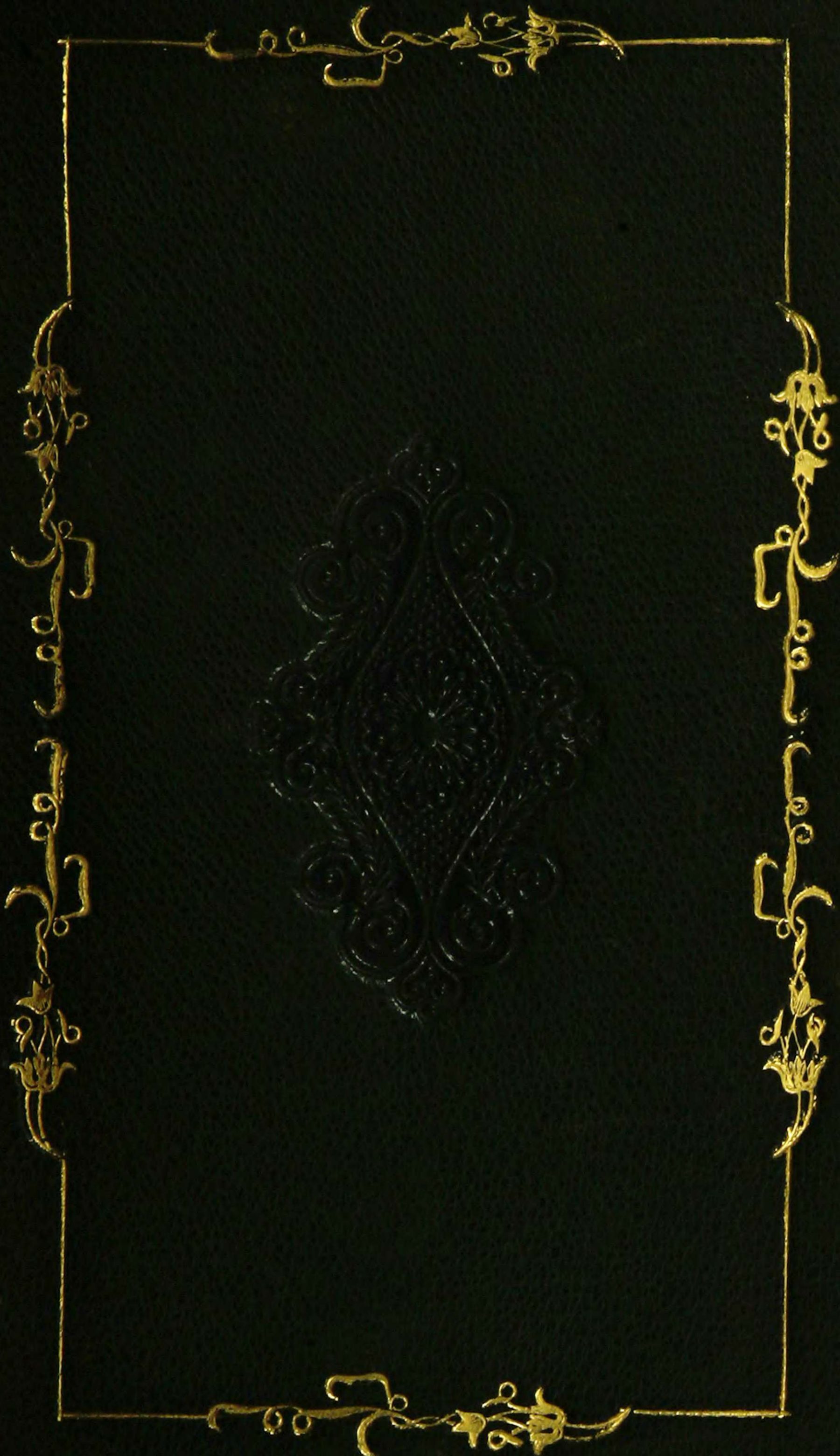

СТЯХОТВОР

МИЛЪКЪЕНА

СТИХОТВОРЕНІЯ

Е. МИЛЬКЪЕВА.

МОСКВА.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шьмь, чшобы по оппечашаніи предшавлено
было въ Ценсурный Комишетъ узаконенное число
экземпляровъ. Москва. Іюня 28 дня, 1842 года.

Ценсоръ Статскій Совѣтникъ И. Снегиревъ.

Его Превосходительству,

Милостивому Государю,

Ивану Григорьевичу

Сенявину.

Важныя заботы общественной жизни и священное поприще службы Государственной не отвлекают Ваше Превосходительство отъ благотворнаго стремленія содѣйствовать всему, что служитъ къ пользѣ наукъ и образованія. Среди многосложныхъ обязанностей, Вы любите разсматривать нравственную, духовную сторону челоуѣка, и не отвращаете Вашего слуха отъ языка боговъ.

За нѣсколько лѣтъ, на берегахъ Иртыша, гдѣ моя родина, я имѣлъ неожиданное наслажденіе встрѣтиться съ В. А. Жуковскимъ, ко-

торому повѣрилъ первые опыты мои въ стихахъ. Благодѣтельный Поэтъ принялъ ихъ снисходительно и ободрилъ меня. Повинуясь его просвѣщенному вызову, я оставилъ родину и переселился сюда, гдѣ, до самаго отъѣзда В. А. Жуковскаго изъ Россіи, пользовался его покровительствомъ, которому обязанъ и счастьемъ быть нынѣ подчиненнымъ Вашего Превосходительства.

Глубокое уваженіе къ блистательнымъ свойствамъ Вашей души—во всѣхъ, которые знаютъ Васъ и рождены съ любовью къ

истинѣ и высокому безпристрастію — едва ли не доходитъ до обожанія. Поставляя себѣ чистосердечнымъ, пріятнѣйшимъ долгомъ раздѣлять это общее чувствованіе, я осмѣлился питать желаніе — посвятить имени **Вашего Превосходительства** плодъ моей внутренней жизни, упражненія въ поэзіи, хотя и незрѣлыя. И такъ какъ на это желаніе **Вы** удостоили благосклонно согласиться, то я исполняю теперь его съ восторгомъ.

Е. Милексеевъ.

Москва,
20 Іюня 1842.

ПИСЬМО АВТОРА

КЪ

ВАСИЛІЮ АНДРЕЕВИЧУ

ЖУКОВСКОМУ.

Вашему Превосходительству угодно, чтобы я рассказал свою исторію. Постараюсь объяснить себя, какъ буду въ состояніи.

Если не заблуждаюсь, природа надѣлила меня привязанностью къ звукамъ, но между тѣмъ назначила родиться и жить въ такой сферѣ, гдѣ ничто не могло способствовать своевременному пробужденію и образованію этого инстинкта, гдѣ болѣе всего раздается безмолвіе для души, гдѣ менѣе всего слышится музыка слова. Не гармоническій тотъ классъ, изъ котораго я происхожу. Отецъ мой не имѣлъ никакого состоянія и умеръ, оставя меня трехлѣтнимъ ребенкомъ, на рукахъ матери, въ совершенной бѣдности. Мать моя приняла довольно горя, пока мнѣ нужно было подняться изъ столь слабаго младен-

чества. О воспитаніи говорить нечего. Одиннадцати лѣтъ, изъ уѣздной школы отдали меня на службу, въ одно губернское мѣсто, гдѣ надлежало мнѣ доучиваться почерку и грамотѣ, перебѣляя черновыя сочиненія канцелярскихъ писателей. Не много можно было почерпнуть изъ той словесности, какую видѣлъ я предъ собою. Наша приказная фразеологія, въ отдаленныхъ и нисшихъ мѣстахъ, нельзя сказать, чтобъ отличалась вкусомъ. Но такъ какъ я еще очень мало смыслилъ, то и эта незавидная проза казалась мнѣ высокимъ краснорѣчіемъ. Умственное любопытство тѣхъ, съ которыми я находился въ обществѣ, ограничивалось также не весьма изящнымъ чтеніемъ: старыя сказки, давно забытыя повѣсти ходили между ними въ обращеніи; да и тѣмъ дѣлиться не имѣли они готовности, стараясь наслаждаться скрытно. Поэтому очень мало приводилось мнѣ читать, не говоря уже о чемъ нибудь порядочномъ. Первая хорошая книга, которая попалась мнѣ въ руки, были басни Крылова: я имъ чрезвычайно обрадовался, такъ что вытвердилъ ихъ наизусть, и помню большую часть теперь. По нимъ я

сталъ учиться риѣмамъ и излагать стихами разныя сказки. Рѣшительное желаніе сдѣлаться стихотворцемъ овладѣло мною при чтеніи Плутарха, когда мнѣ было отроду лѣтъ шестнадцать: я воспламенился, и съ величайшимъ усердіемъ ломалъ голову надъ риѣмами; не разумѣлъ стопъ и размѣра, утѣшался только созвучіями; необузданный стихъ мой содержалъ иногда слоговъ двадцать, удареніе прыгало и садилось произвольно. Хотя примѣтилъ я нестройность въ этой отчаянной музыкѣ, однако долго не отгадывалъ, отчего у меня выходила такая нескладица, и это доставляло мнѣ истинную пытку. Щѣлыя ночи были проведены въ усиліяхъ открыть секретъ. Наконецъ сосчиталъ я гласныя буквы въ печатномъ стихѣ, прислушался къ ударенію — и завѣса приподнялась. Я началъ составлять стихи, болѣе или менѣе правильные, и приводить ихъ въ разные размѣры, по образцу немногихъ стихотвореній, которыя удалось читать впоследствии.

Такимъ образомъ, прежде нежели научился я сердцемъ постигать то, что называется

поэзіей, мнѣ надлежало открыть собственною догадкою, разумѣется въ нѣкоторой степени, механизмъ сочетанія, или сдѣлать доступнымъ для своего понятія тотъ избранный способъ, выраженія, къ которому душа симпатически влеклась. Медленно успѣвала я въ этомъ, потому что заграждены отъ меня были всякія средства; я даже не зналъ, существуютъ ли на то учебныя пособія. Прибѣгнуть къ кому? Тѣ, съ которыми я могъ сблизаться, не могли откликнуться на мои вопросы: не лъзя было ничего отъ нихъ перенять или услышать; и какъ черты этихъ людей не имѣли большаго сходства съ моими, то я застѣнчиво удалялся ихъ общества. Изъ лучшихъ никто не чувствовалъ охоты заняться мальчикомъ, безмолвнымъ и скучнымъ, а я по врожденной боязливости не смѣлъ спрашивать; малѣйшей нескромностью страшился обнаружить свою привязанность какъ преступленіе, и хранилъ ее въ душѣ непроницаемо для всѣхъ.

Чтобы понять правописаніе, я углублялся въ анатомію словъ, прилежно всматривался въ ихъ происхожденіе. Когда меня взяли на

службу въ то мѣсто, гдѣ я нахожусь теперъ, * тутъ случалось, хотъ очень рѣдко, достать порядочную книгу; тогда я уносилъ сокровище домой, съ благоговѣніемъ и восторгомъ погружался въ чтеніе; останавливался на тѣхъ страницахъ, которыя восхищали меня живописью и благозвучіемъ; старался удерживать въ памяти образъ выраженія, гдѣ благородство и чистота были осязательны моему разуму, и послѣ прилагалъ эти свѣдѣнія къ моей стихотворной практикѣ. — Однако я могъ бы и чаще доставать книги, если бы обладалъ нѣкоторой ловкостью и умѣньемъ снискивать расположеніе людей, болѣе или менѣе обращающихся съ ними; если бы не имѣлъ той неодолимой робости, которая составляетъ роковую черту въ моемъ характерѣ. Я пользовался именно тѣмъ, что доходило до рукъ моихъ случайно, и до сихъ поръ не прочелъ ни одного писателя нашего вполнѣ. Грѣшно сказать — я даже не всю читалъ Исторію Карамзина. Другихъ знаю по отрывкамъ, а другихъ только потому, что слухомъ земля полнится.

* Я писалъ это во время бытности въ Петербургѣ, но числился на службѣ въ Тобольскѣ.

Языкъ и правила мои въ слогъ заняты изъ того, что успѣлъ я прочитатъ порядочнаго. Граматическихъ терминовъ незнаю, риторическихъ формулъ подавно; и если бы спросили, почему разстановку словъ я дѣлаю такъ, а не иначе, я отвѣчалъ бы только, что подобныя обороты замѣтилъ въ употребленіи.

Теперь, какъ развивался ходъ моей мысли, какія внушенія располагали духомъ, и чѣмъ наиболее поражалось вниманіе? Предѣлъ моихъ знаній препятствовалъ расширять мысль. Религіозное чувство и природа служили основнымъ, единственнымъ побужденіемъ: я любилъ смиряться и дивиться Богу, любилъ смотрѣть на звѣзды и открытое небо, и хотѣлъ одѣвать чувствованія звукомъ, хотѣлъ говорить о небѣ и Творцѣ. Къ этому сердце относило цѣль жизни. И теперь желалъ бы я всего болѣе погрузиться въ истину, настроить разумъ, совокупить силы души, чтобы принести дань удивленія чудесамъ Бога словомъ достойнымъ.

Но желанія велики, а крылья слабы. Часто умственное безсиліе наводило на меня глу-

бокую тоску, подавляло душу уныніемъ; часто мучился я недовѣрчивостью и сомнѣніемъ, — и тѣмъ рачительнѣе скрывалъ мою тайну.

Вдругъ пронеслась вѣсть о путешествіи государя наследника, въ которомъ участвовали и Ваше Превосходительство. Нашъ городъ пробудился, все приготавливалось . . . я тоже не былъ въ бездѣйствіи; я рѣшился сдѣлать себѣ насиліе, преодолѣть робость. Пересмотрѣлъ мои опыты, собралъ все, что находилъ изъ нихъ лучшаго, поправилъ, переписалъ, и пошелъ съ тетрадью къ Вашему Превосходительству, какъ только Вы пріѣхали. Могъ ли я сдѣлать лучше? Я несъ подарокъ мой со смятеніемъ, но поддерживался, утѣшался мыслию, что услышу правду и вѣрный приговоръ себѣ.

И Ваше Превосходительство признали во мнѣ способность. Это для меня крайне утѣшительно и лестно. Вы съ добродушіемъ тогда спросили, чего бы я могъ желать себѣ . . . Конечно, если дѣйствительно таится во мнѣ что нибудь такое, я желалъ бы воздѣлать мой даръ, воспитать способности ученіемъ, рас-

пространить силы познаніями. Но гдѣ средства?

И вотъ я въ Петербургѣ. Не за тѣмъ ли я сюда явился, чтобы рѣшить задачу жизни, начать новый періодъ? Но какъ осуществить надежды, сдѣлать поворотъ? Средства ученія здѣсь существуютъ; надобно приняться за все, потому что ничего не знаю; надобно сѣсть на одну лавку съ дѣтьми, а мнѣ двадцать три года: невозможно. Золотое время упущено; трудно его настигнуть. Между тѣмъ я съ горестью примѣчаю, что степень здоровья моего не позволитъ приступить къ жертвеннику съ такимъ полнымъ и торжественнымъ рвеніемъ, какъ требуетъ вознаградимая потеря лучшаго времени и какъ бы мнѣ дѣйствительно хотѣлось. Начатіе съ раннихъ лѣтъ письменной службы тамъ, гдѣ обращаются не весьма сострадательно, и гдѣ иногда отъ служакъ отдавались похвалы моему трудолюбію, можетъ быть слишкомъ не даромъ, имѣло необходимое вліяніе на мою организацію, не совсѣмъ крѣпкую отъ природы. — Я долженъ теперь затвориться въ комнату, начать ученіе наединѣ и стремиться

къ цѣли, какъ позволять силы; но нельзя оставить службы, отъ которой получаю способъ жить. А можно ли соединить службу съ ученіемъ?

Въ такихъ обстоятельствахъ, къ исполненію моего желанія, существуетъ развѣ одинъ способъ, одно средство. Надобно искать просвѣщеннаго начальника, при которомъ бы, съ отправленіемъ обязанности, соразмѣрной моимъ способностямъ, я могъ имѣть время для ученія. Ваше Превосходительство съ рѣдкимъ добродушіемъ вызвались принять участіе въ этомъ. Вы заботитесь обо мнѣ, занимаетесь моею судьбою: это сильно меня трогаетъ и смущаетъ, потому что правъ мало имѣю. Конечно, пріобрѣсть такого начальника было бы счастье, котораго лучше я пожелать не могу. Но у меня есть мать: я оставилъ ее далеко . . . Тягостно мнѣ не видѣть ту, которая меня родила и боролась почти съ нищетою для моей жизни. Рѣшусь ли опечалить ея старость, предать безпокойству долговременной и безнадежной разлуки съ сыномъ? Я уѣзжалъ съ тайнымъ желаніемъ остаться здѣсь, чтобы положить мои способ-

ности въ горнило ученія; теперь слышу внутри упрекъ. И сколько разумъ велитъ склониться на милость, предложенную мнѣ Вами, столько противорѣчитъ сердце.

Но отстать отъ избранной мысли, воротиться на свое прозаическое мѣсто, къ этой должности, къ этимъ занятіямъ, отъ которыхъ, нечего грѣха таить, часто тупѣетъ голова! . . . опять возмущаюсь. Чѣмъ болѣе вникаю въ мои качества, въ мои силы и способности, тѣмъ менѣе нахожу въ себѣ начала, которое бы привязывало меня къ настоящему поприщу. Конечно, всякія обязанности святы, когда мы носимъ ихъ, и мы не должны терять къ нимъ уваженія ни въ какомъ случаѣ; только гораздо лучше, если онѣ отвѣчаютъ нашимъ наклонностямъ и движенію воли. На теперешнемъ мѣстѣ, я чувствую себя удивительно ничтожнымъ и пустымъ. Предпріимчивости и честолюбія не имѣю вовсе. Кажется, природа назначила мнѣ не ту орбиту, какую предполагала. Но опять не дѣло подозревать судьбу въ ошибкахъ.

И такъ я долженъ рѣшиться прозябать въ невѣжествѣ, долженъ итти противъ воли и

желанія, разыгрывать ролю вѣчнаго противоборства и насилія себѣ, разбивъ до основанія надежды? Это ужасно какъ сметръ. Можетъ быть, судьба уже не пошлетъ другаго случая приблизиться къ средствамъ просвѣщенія, и я, не выступивъ изъ круга, враждебнаго мнѣ расположенія, вѣроятно сяду тамъ надолго. Нѣтъ, лучше рѣшусь пожертвовать чувствомъ, которое меня мучитъ и призываетъ туда. Пусть укрѣпится мать противъ разлуки съ сыномъ, необходимой для пользы его нравственныхъ силъ. Правда, что онъ хочетъ отважиться на подвигъ трудный, и слишкомъ поздно; но лучше теперь, чѣмъ никогда!

Ваше Превосходительство лучше знаете, что для меня нужно. Если мои способности возбуждаютъ вниманіе, если отъ нихъ можно чегонибудь надѣяться, прошу Вашего участія: доставьте мнѣ мѣсто, гдѣ бы, исполняя свою обязанность, я могъ имѣть книги и время. Благодарить Васъ иначе не буду въ силахъ, какъ усерднымъ стремленіемъ достигнуть успѣховъ и оправдать благодареніе.

Теперь сказано все. Я открылся Вашему Превосходительству съ чистосердечіемъ ребенка, объяснилъ всѣ обстоятельства, не утаилъ тревоги, которая наполнила душу при соображеніи моей судьбы. Вопросъ такъ меня озадачилъ, внушилъ мнѣ столько страннаго и грустнаго, что я смѣялся надъ собой и плакалъ, плакалъ и говорилъ: Господи, помоги мнѣ, грѣшному! Можетъ быть, я ложно бѣснуюсь, можетъ быть увлекся я мечтательнымъ своимъ воображеніемъ: исцѣли меня отъ болѣзни ума! — И долго не могъ собрать мои мысли, не зналъ на что рѣшиться, искалъ словъ, и не умѣлъ съ чего начать исторію, какъ приступить къ объясненію. Это тѣмъ болѣе меня смущало, что я еще не принимался за прозу, кромѣ канцелярской: выработывалъ исключительно стихъ.

С Петербургъ,
1838.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СОЛНЦУ.

О дивный красавецъ, колоссъ мірозданья!
Даря насъ торжественнымъ зрѣлищемъ дней,
Выходишь ты съ бездной тепла и сіянья,
Въ коронѣ зиждительно-мощныхъ лучей.
Природы великой женихъ воцаренный,
Съ тѣхъ поръ, какъ ея украшеніемъ сталъ,
Когда не поспѣлъ ты на подвигъ священный,
Когда на державную цѣль опоздалъ?

Предъ силой и долей твоей величавой
Миръ Древній склонялся въ восторгъ нѣмомъ,
Тебя окружалъ символической славой
И чувствовалъ, робко дивясь, божествомъ.
И мы, согрѣваясь твоими лучами,
Съ отрадой, съ любовью на бѣгъ твой глядимъ...
Но ты лишь свѣтило, не богъ предъ нами,
И мы поклоненья тебѣ не дадимъ!
Мы знаемъ Того, Кто на подвигъ и бдѣнье,
На славу и радость тебя сотворилъ:
Ему одному лишь несемъ поклоненье,
Источнику блага, источнику силъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Смѣна холоду крутому ,
Смѣна мертвымъ , душинымъ льдамъ ,
Сну бользненно-нѣмому ,
Зимнимъ вихрямъ и снѣгамъ !
Міръ очнулся весь глубоко ,
И прелестень , и богатъ ,
Одѣвается широко
Въ новосвадебный нарядъ.

Вновь льса темны; пахучи,
 Полны мракомъ и весной,
 И свободны и могучи
 Воды льются съ быстротой.
 Воротилась тверди ясной
 Золотая бирюза
 И за тучей громогласно
 Говорящая гроза.

Такъ являютъ дни и годы
 Непрерывный переходъ:
 То потускнеть жизнь природы,
 Одряхлѣеть и замреть;
 То возстанетъ отъ паденья,
 Вновь полна красы и нѣгъ...
 Лишь одинъ ты возрожденья
 Не извѣдалъ, человекъ!

Ты помазанникъ созданья,
 Ты съ душою получилъ
 Ключъ премудраго познанья,
 Даръ святыхъ, высокихъ силъ.

Что жь ты юностью вьнчальной
 Вновь не блещешь, неба сынъ,
 А къ развалинамъ печально
 Переходишь отъ сѣдинъ?

Нѣтъ, не гибнешь ты... Хоть годы
 Изотрутъ тебя во прахъ,
 Все властитель ты природы,
 Вьчный въ царственныхъ правахъ:
 Создаешь ты поколенья
 Жизнью собственной, и вотъ
 Бытія и возрожденья
 Безконечный пиръ цвѣтеть!

И увядшій невозвратно
 Блескъ твоихъ весеннихъ дней
 Въ роды мчится перекатно,
 Съ пыломъ воли и страстей.
 И сынамъ твоимъ судьбами
 Заповѣданъ тотъ же путь,
 Такъ же въ нихъ реветъ громами
 Огнедышащая грудь!

ДЕНЬ И НОЧЬ.

Летить, разгараясь, надъ міромъ
День свѣтлый, гостинецъ небесъ.
Любуются тверди сапфиромъ
И холмы, и воды, и лѣсъ.
И полны глубокой отрады,
Согрѣты восторгомъ святымъ,
Шылаютъ сердца какъ лампы,
Къ предѣламъ парять неземнымъ...
И видитъ Создатель ихъ трепеть,
Ихъ жаръ съ неприступныхъ высотъ,
И слышитъ дѣтей своихъ лепеть,
Веселья хвалебнаго плодъ.

Но тѣни ночныя смѣняютъ
 День свѣтлый, по волю Творца,
 И скованы сномъ, потухаютъ
 Лампады живыя, сердца...
 Тогда предъ Создателемъ міра,
 Начавъ заповѣдныи обрядъ,
 Торжественно въ лонъ эѳира
 Другія лампы горятъ:
 Льютъ свѣтъ свой роскошно и ярко,
 И также трепещутъ въ дали,
 И молятся Господу жарко,
 Какъ дѣти туманной земли...
 И громко пучины творенья
 Ему произносятъ хвалу,
 И катится гуль пѣснопѣнья
 Сквозь ночи дрожащую мглу...
 И Онъ, обнимающій вѣчность
 Недремлющимъ окомъ Своимъ,
 Онъ смотритъ на ихъ безконечность,
 Внимаетъ привѣтливо имъ.

ЗАТВОРНИЦЫ.

Направя слѣдъ въ предѣль далёкій ,
Путь туманнымъ и степнымъ
Я влекся грустный , одинокій ,
Какъ безутьшный пилигримъ :
Къ неясной цѣли и призванью
Стремился , край оставя свой ,
Довѣрясь темному желанью ,
Мечть таинственной , глухой.
Я мѣриль взорами пустыню ,
Душа томилася моя ,
И вдругъ отрадную святыню ,
Залогъ надежды , вижу я . . .

Передо мною рисовался
 Видь мрачныхъ горъ , и между скаль
 Храмъ пятиглавый возвышался ,
 Крестами свѣтлыми сіяль.
 Я позабыль себя въ отрадѣ ,
 Грудь переполнившей мою :
 Туда, къ спасительной оградѣ
 Мой шагъ удвоенный стремлю...
 Тамъ обрѣту мольбой смиренной
 У Провидѣнья крѣпкій щитъ ;
 Тамъ глубь души моей стѣсненной
 Любовь и вѣра осынить ,
 И путь очамъ укажетъ ясно ,
 И мнѣ мою приблизить цѣль ,
 И поведетъ къ ней безопасно
 Черезъ житейскую мятьель.

И вотъ божественной оградѣ
 Я шагомъ трепетнымъ достигъ ,
 И тамъ сквозь яркія лампы
 Святыхъ увидѣль кроткій ликъ.

Неизъяснимъ ихъ взоръ небесный ,
 Взоръ, умиляющій сердца ,
 Взоръ непонятно безтѣлесный ,
 Зовущій къ тайнствамъ Творца!
 Съ мольбами, сладость еиміама
 Къ нимъ возносилаь отъ кадиль ,
 И подъ широкимъ сводомъ храма
 Священный хоръ напѣвы лиль.
 Чудесный гимнь! Какое пѣнье!
 Горьль во мнѣ ожившій духъ ,
 И въ сердць быстрое движенье ,
 И таяль , праздноваль мой слухъ!
 Но кто , восторженный блаженствомъ ,
 Благоговѣя предъ Творцомъ ,
 Съ такимъ высокимъ совершенствомъ
 Пѣль о надеждѣ , о святомъ?
 Кто могъ пролить душъ унылой
 Волну отрады неземной?
 Чьи звуки шли съ такою силой ,
 Съ побѣдоносной полнотою?...
 Я посмотрѣль кругомъ, и что же!
 Увидѣль я отшельницъ хоръ —
 Одна другой милѣй , моложе ,
 И свѣтель, радостень ихъ взоръ...

Я торопливо на Иконы
 Отъ нихъ глаза отворотилъ,
 Хотѣль молиться, но поклоны
 Полуразсѣянно творилъ...

.

Такъ сердце, праздное для Бога,
 Для безгрѣховной теплоты,
 Стѣснила чувствъ земныхъ тревога,
 Умчали буйныя мечты...

Но вдругъ явился Ты, Спаситель:

По храму взоромъ я блуждалъ —

И мнѣ Твой ликъ, какъ обвинитель,

Неотразимо заблесталъ.

Ты устремлялъ въ меня, казалось,

Всепроницающій Свой взоръ...

Я обомлѣлъ, и сердце сжалось,

Почуя Благости укоръ.

И тихо сталъ я тутъ молиться,

И умилительнымъ огнемъ

Еще затлѣть, одушевиться,

Несчастный, могъ передъ Творцомъ.

Твердиль я тихимъ сердцемъ: Боже!
 Щитомъ Ты юныхъ дѣвъ покрой!
 Ихъ цѣломудренное ложе
 Пріосѣни Ты чистотой!
 Да возвышаетъ ихъ терпѣнье,
 Великихъ доблестей вѣнецъ,
 И бездремотное стремленье
 Уразумѣть Тебя, Творецъ!

И я, исполненный отрады,
 Покинулъ храмъ, не одолевъ
 Желанья снова бросить взгляды
 На посвященныхъ Богу дѣвъ.
 Но я взглянулъ на нихъ съ привѣтомъ,
 Я сердцемъ ихъ благословлялъ,
 И имъ покрыться славы свѣтомъ
 Недосягаемымъ желалъ.
 Я говорилъ въ душъ имъ звучно:
 Таитесь, чистыя сердца,
 Отъ жизни міра злополучной
 Здѣсь вѣчно, вѣчно для Творца!

Да прочь бѣгутъ отъ васъ печали
И волны всѣхъ житейскихъ смуть!
Чтобъ вы земныхъ страстей не знали,
Свершая свой небесный трудъ!
И проклять будетъ, кто отлучить
Хотя на мигъ васъ отъ него,
И святотатственно научить
Васъ пѣть не Бога одного!

СУХАРЕВА БАШНЯ.

Была же смутная пора,
Какъ подь ступенями престола,
Противъ державнаго Петра
Шипъли зависть и крамола;
Какъ, обольщенные сестрой
Царя, Стрѣльцы ярились шумно,
Орудье гордости слъпой,
Любоначальности безумной.
Но между ними полкъ одинь,
Хвала и честь! остался вѣренъ,

Какъ предъ отцомъ послушный сынъ,
 Душой въ правахъ его увѣренъ.
 Полковникъ Сухаревъ свой долгъ
 Неколебимо и свободно
 Хранилъ. Его былъ этотъ полкъ,
 Презрѣвшій бунтомъ благородно.

И П е т р ь полковника любилъ,
 Его заслуги награждая;
 Когда же — ядъ роднаго края —
 Тотъ страшный бунтъ угомонилъ,
 Призвалъ Великій воеводу
 И молвилъ въ благости своей:
 „Хочу оставить я народу
 Знакъ неподкупности твоей.
 Гдѣ жилъ ты съ вѣрными Стрѣльцами,
 Построй тамъ башню, да про васъ
 Она являетъ предъ вѣками
 Живописующій рассказъ!“
 Сказалъ — и мощное желанье
 Ретивый мужъ осуществилъ,
 И достопамятное зданье
 Среди Москвы соорудилъ.

Колоссомъ крѣпости и славы
 Воздвиглась башня передъ ней,
 Какъ отголосокъ величавый
 Заслугъ и мужества тѣхъ дней.

И эту башню — великану
 Столицы — древнему Ивану
 Молва невѣстой нарекла...
 Да вмѣстѣ славою блистаютъ
 И племенамъ они вѣщаютъ
 Про незабвенныя дѣла.

Тѣхъ дней борьба, тѣхъ дней тревога
 Давно ужь спятъ на лонѣ Бога;
 Но живъ Иванъ нашъ золотой
 Съ своей невѣстой вѣковой!
 Она таинственно и строго
 На мѣръ глядитъ. Когда-то въ ней
 Жилъ тотъ могучій чародѣй,
 Который, по наукъ странной,
 Зналъ наизусть судьбу людей.
 Читалъ онъ въ книгѣ звѣздъ туманной,

И часто, въ полночи глухой,
 Сидьль одинь какъ демонь, точно
 Съ неразршимымъ сатаной
 Творя бесѣду полномочно... (1)

И вотъ волшебница поить
 Москву чудесными водами,
 И влагу точить и слезить,
 И бьетъ жемчужными струями...

За нашей матушкой-Москвой,
 На съверь, есть одна дорога.
 Нерьдко, съ чистой вѣрой въ Бога,
 По той дорогѣ столбовой
 На поклоненье пѣшеходцы
 Къ Святому Сергію спѣшать...
 Тамъ есть Громовые колодцы,
 Изъ камня брызжутъ и кипятъ.
 Ихъ прежде не было. Тотъ камень,
 Покрытый мохомъ весь, лежалъ
 Безплодень, мертвъ. Но Божій пламень
 Чудесно сонъ его прерваль.

Изъ тучи огненной скатилась
 Однажды яркая стрѣла,
 И въ камень дремлющій вонзилась,
 И въ немя источникъ добыла:
 Изъ груди раненой тутъ дивно
 Струя ударила... Съ тѣхъ поръ
 Токъ искрометный непрерывно
 Изъ пльна рвется на просторъ.

Оттуда Башня въковая
 Влечетъ къ себѣ избытокъ водъ
 И ихъ столицъ раздаетъ,
 Въ бассейны весело вливая.
 Стремятся къ Башнѣ воды тѣ
 Черезъ каналъ подземный, тѣмный,
 И надъеляютъ вполнотъ
 Резервуаръ ея огромный.
 Безсонно плескъ тамъ говорить,
 И струй вмѣстилище дрожить.
 Но въ часъ вечерній на мгновенье
 Утихнеть звонкое паденье,
 И воды говоръ прекратятъ,
 Какъ будто отдыха хотятъ.

И на нѣмые башни своды
 Повиснетъ будто тяжесть думъ...
 Но мигъ прошелъ — и хлынуть воды,
 И снова грохотъ, плескъ и шумъ! (2)
 И снова льется въ наше тѣло
 Бальзамъ холодный и живой,
 Чтобы крѣпчало и свѣтлѣло
 Оно всегдашней чистотой.

И, диво темнаго народа,
 Стоитъ незыблемо она,
 Такъ неразгаданно мрачна...
 И стрѣлы молнійнаго свода
 Безсильны, тупы передъ ней,
 И не дерзнулъ коснуться ей
 Пожаръ двѣнадцатаго года!

ГРОЗА.

Мглою огненно-зыбучей
Вдругъ одѣть небесный сводъ...
Кто его стопой могучей
Попираетъ и гнететь?
Грудь, раздвинься! сердце, шире!
Къ намъ нисходитъ Саваоѣ,
Въ ужасающей порфирь
Молній, мрака и громовь.

Это Тотъ, предъ Къмь дышался,
 Трясса нькогда Хоривъ,
 Кто Израилю явился
 Безпощадень и ревнивъ;
 Кто въщаль среди тревоги
 Бурныхъ тучь, огонь клубя:
 Я твой Богъ, иные боги
 Да не будутъ у тебя!

Это Древній, Кто обильно
 Сыплетъ върнымъ благодать...
 Мы ль откажемся безсильно
 Богу страшному внимать?
 О, ревите бури, громы,
 Повторяйте рчь Творца!
 Да возлюбимъ Одного мы,
 Не сольемъ себь тельца!

МОЛИТВА.

На ложь холодномъ, въ одну изъ ночей,
Я плакаль отъ горя, заботь и страстей,
Весь полонъ былъ грусти томительной, смутной,
И тщетно, въ уныньи, дремотой минутной
Алкаль успокоиться: не было сна.
Вокругъ почивала на всеь тишина,
А грудь моя билась, и сердце звучало,
Какъ будто нашествiя тайнь ожидало,
И каждый ударь его въ вельь глухой
Гремль, отдавался, какъ молота бой.

Вдругъ сердце застыло, пресъклось бiенье,
 Душа замерла, потемнилось зрiенье;
 Не помню печалей, не помню я бiдь...
 И вдругъ налетiль неиспытанный свiтъ,
 И лоно небесъ неприступныхъ открылось,
 И тамъ, надъ звiздами, въ пучинiъ святой
 Великое взору видiенье явилось,
 И духъ оковало, духъ страстный, земной:
 Увидiль я образъ блаженный и вiчный,
 Лишь Старца, Который въ хаосъ нiмомъ
 Раскинулъ созданiя храмъ безконечный,
 Слилъ чудныя массы могучимъ перстомъ...

Онъ смотритъ на мiръ Свой всевидящимъ окомъ
 И всю обнимаетъ природу какъ дочь,
 И благодать отъ ризъ Его брызжетъ потокомъ
 Сквозь сумракъ и полную трепета ночь;
 И носятся съ арфами свiтлаго рая
 Предъ Нимъ херувимы, всю твердь оглашая...

О, какъ лучезарнiе сонма Онъ ихъ,
 Чистiйшiй межъ чистыхъ, святой во святыхъ!

Что жь? весь я безгласень и грудь бездыханна,
 А небо глубокою пьснью дрожить,
 И все, что Имь создано, хоромь гремитъ:

Осанна, осанна!

Ахъ, вотъ къ чему сердце, мечты, произволь
 Должны устремлять мы отъ берега золь!
 Ахъ, вотъ гдѣ источникъ блаженства, отрады,
 Завѣтъ утѣшенія, счастья, награды!

О вещественный свѣтъ,

Суета всѣхъ суеть!

Какъ въ тебѣ все ничтожно,

Все презрѣнно и ложно!

Творецъ безначальный! мой духъ пробуди,
 Зажги теплоту въ оньмѣвшей груди!

Наполни спокойствіемъ плоть мою, кости,

Очисти отъ гнѣва, очисти отъ злости!

Дай мнѣ поражающій голосъ трубы,
 Чтобъ могъ возвъщать я святыя судьбы;
 Чтобъ дрогнули дебри, проснулись пустыни,
 Услышавъ могучую рѣчь о святыни;
 Вложи побѣдительный пламень въ уста!
 Одѣнь мои плеча въ доспѣхи Креста!
 Какъ мудрую благодать, пошли мнѣ страданья,
 Но сердце опрысни дождемъ упованья,
 Но вялую душу сначала напой
 Надеждъ умилительныхъ сладкой росой!

Или, о Владыка, о Царь благодатный,
 Противень Тебѣ мой сосудъ неопрятный?
 Иль сердцу, кипящему чернымъ грѣхомъ,
 Не можетъ быть свѣтъ благодати знакомъ?
 Иль умъ мой тяжелый, въ мечтахъ омраченныхъ,
 Не выльетъ въ сіяніи тайнъ сокровенныхъ?
 Или мой лукавый и свверный языкъ
 Не можетъ рассказывать, какъ Ты великъ?
 Не можетъ вознести Тебѣ воплей хваленья,
 Глубокихъ рѣчей чистоты и смиренья?

Пролей же Ты ярость и тернь истреби!
Исторгни мой духъ и меня погуби,
Какъ съмя преступное, низкое, злое,
Къ божественнымъ тайнамъ и чувствамъ нѣмое!
Земля да не носить, не держать того,
Кто славить не можетъ Творца своего!

СОНЪ ЛОМОНОСОВА.

Корабль на парусахъ летѣль,
Торжественно шумѣли волны.
Поэтъ, задумчивости полный,
Въ даль моря грознаго смотрѣль.
Валы, вздымаясь изъ пучины,
Стремясь одинъ другому вслѣдъ,
Несли корабль какъ исполины.
Казалось, дикостью картины
Быль занять, увлечень поэтъ...

Уже къ закату день клонился;
 Вотъ въ бездны лучезарный шаръ
 Великольпно погрузился. . .
 Какъ ѿмїамъ, вечерній паръ
 Надъ присмирѣвшими волнами
 Поднялся дымными холмами;
 Одѣлось море тишиной.
 Склонясь усталой головой,
 Поникнувъ томными очами,
 Поэтъ себя и мїръ забылъ. . .
 Сонъ благотворными крылами
 Его зѣницы осѣнилъ.

И въ тонкомъ снѣ поэтъ печальный
 Мятется робкою душой. . .
 Онъ видитъ бытъ патріархальный,
 Всю простоту страны родной:
 Подъ яркой крышею соломы
 Свѣтлѣютъ низменные дома
 Миролюбивыхъ рыбаковъ;
 Обремененные сѣтями,
 Ихъ челноки стоятъ рядами
 У безопасныхъ береговъ.

Здѣсь тяжкій неводъ выгружаютъ,
 Тамъ на разложенномъ огнь
 Кипитъ котель, а вотъ играютъ
 И дѣти, празднуя веснь.
 Все мило, радуеть поэта;
 Не помнитъ онъ волненья свѣта,
 Разлуки съ родиной святой.
 Опять жилецъ безпечный дома,
 Въ семьѣ привѣтливой, родной,
 Со всѣмъ душа его знакома.
 Онъ видитъ сверстниковъ — друзей
 Минувшей юности своей.
 Онъ раздѣляетъ отъ охоты
 Съ отцомъ домашнія заботы,
 И на ловитву ѣдетъ съ нимъ;
 Вотъ по равнинамъ голубымъ
 Шумъ кроткихъ весель раздается,
 Ладья пучиною несется,
 Изъ виду темный берегъ скрытъ;
 Вдругъ набѣжали сверху тучи,
 Сорвался съ цѣпи вѣтръ могучій,
 И море грозное бурлитъ.
 Куда пловцы свой взоръ ни кинуть,
 Вездѣ ужасно и темно;

И вдруг челнок их опрокинуть...
 Отец и сын идут на дно,
 Добыча бездны разъяренной...
 Но сын трепещущий мгновенно
 Спасень от хищной глубины:
 Он очутился на стремнине,
 В необитаемой пустыне,
 Среди могильной тишины;
 И нарушают лишь молчанье
 Стон хищных птиц да вой волков,
 И ощутительно дыханье
 Во мгль скрывающихся льдов.
 В нем сердце дрогнет, замирает,
 Пугливый взор его блуждает...
 Пустынь дикой нѣтъ конца.
 Но вдруг, о ужас! сын смятенный
 На камень видит труп отца,
 Безъ жизни, черепъ раздробленный...

И чары сна изнемогли:
 Стеня страдалец пробудился;
 Ручьи изъ глазъ его текли,
 И передъ нимъ во мгль носился,

Мельная, призракъ гробовой...
Чья тѣнь, прощаяся съ землей,
На вѣчный отдыхъ отлетала
И будто съ милаго лица
Вперенныхъ взоровъ не спускала?
То тѣнь почившаго отца,
Который въ скорбную кончину
Еще стремился сердцемъ къ сыну...

КОЛОКОЛЬ ВЪ КРЕМЛЬ.

Въ короткій, мгновенный періодъ свиданья
Съ Москвой блокаменной, (3) духъ веселя,
Блуждалъ я и видѣлъ громадныя зданья,
Всю прелесть и древнюю пышность Кремля:
И поясъ могучихъ твердынь величавый,
И рядъ сокрушительныхъ, мѣткихъ бойницъ,
И храмовъ сіяющихъ жаркія главы,
И святость обильныхъ мощами гробницъ.

Пльнительно сердцу, свѣжо и прекрасно,
 При взглядѣ на эти знамена вѣковъ!
 О, какъ повѣствуютъ они громогласно
 Про славу и доблести пылкихъ отцовъ!
 Какъ эти кресты своей жаркой игрою
 Великихъ событій являютъ символъ!
 И какъ отъ нихъ дышетъ святой стариною,
 И сыплется рѣзко о прошломъ глаголь!

Но, чаще всего, я съ туманною думой,
 Съ безвѣстною грустью невольно смотрѣль
 На образъ возвышенный доли угрюмой,
 Столь часто достоинству данной въ удѣль.
 Тамъ видѣть любилъ я, дивясь, великана,
 Который безмолвно, во снѣ вѣковомъ,
 Простерть у священной подошвы Ивана
 На ложъ гранитномъ, съ суровымъ челомъ.

Онъ, нѣкогда въ тяжкомъ паденіи ранень,
 Въ темницѣ сырой погружался сто лѣтъ,
 И царственной массою чудень и странень,
 Вотъ вызванъ изъ мрака дивить бѣлый свѣтъ...

Съ глубокимъ клеймомъ роковаго паденья,
 Въ позорище міру слѣпому открытъ,
 Увѣнчанъ блестящимъ символомъ спасенья,
 Крестомъ лучезарнымъ, онъ гордо стоитъ.

И люди приходятъ толпой къ великану,
 Посудятъ про тяжесть и льта его,
 Посмотрятъ на дивную, тяжкую рану,
 И всторону съ шумомъ идутъ отъ него.
 Ихъ взоры, желанья, мечты — близоруки,
 Одно любопытство къ нему ихъ ведетъ,
 И имъ непонятны глубокіе звуки,
 Которыхъ волну онъ таинственно льетъ:

„И зачатъ и созданъ я съ цѣлью великой,
 Съ высокимъ призваньемъ... Хотѣлъ бы звучать,
 Разсыпаться музыкой грозной и дикой
 И ревомъ неслыханнымъ землю обнять;
 А рокъ, мой убійца, холоднымъ закономъ
 Судиль вѣковѣчно безмолвствовать мнѣ, —
 И я не дрожу сокрушающимъ звономъ,
 Нѣмьтъ обреченный въ бездѣйственномъ снѣ.

„Мнѣ слышится часто хоръ младшихъ собратій,
 Гудѣнье нестройное, рѣзвый трезвонъ,
 И въ горнія нѣдра воздушныхъ объятій
 Тщеславно несется ихъ лепеть и стонъ.
 И люди, собравшись, толкуя убого,
 Дивятся имъ слѣпо... но это звонки:
 И слышны и громки, затѣмъ что ихъ много!
 Повисли высоко, затѣмъ что легки!

„Не трудно привести ихъ въ порывъ и движенье,
 Не трудно разгуль имъ ликующій дать,
 Отъ сна возбудить ихъ веселое пѣнье
 И вновь нѣмотою ихъ голосъ сковать.
 Нѣтъ, если бъ кто долгій мой сонъ уничтожилъ,
 Нѣтъ, если бы кто мой языкъ разомкнулъ,
 Какой бы торжественной пѣснью я ожилъ,
 Какой бы я пролил неслыханный гуль!...

„Но хилы и немощны слабые люди,
 Не вынесеть звуковъ могучихъ ихъ слухъ,
 Безсильны и чахлы ихъ тѣсныя груди,
 Тревожливо сердце и робокъ ихъ духъ.

Мой вопль необузданно-дикій оглушить
 Ихъ ухо, привычное мирно дремать;
 Мой громъ неумолкный покой ихъ нарушить,
 Положить на сердце ихъ — смуты печать.

„И я не жалью, что въ ухъ презрѣнномъ
 Не стану великою пѣснью греметь...
 Я буду въ покоѣ глухомъ, неизмѣнномъ:
 Я буду молчать и вѣка цѣпеньтъ.
 И такъ вы, о люди, меня не пугайтесь,
 Дремлите безпечно на ложь своемъ,
 И въ праздности суетной мнѣ удивляйтесь,
 Созданья беззвучныя въ мѣрь нѣмомъ!“

ПРЕКРАСНОЙ.

Пойметъ ли свѣтъ, мятежный и коварный,
Пойметъ ли свѣтъ, безчувственно-слѣпой,
Твоей души свѣтильникъ лучезарный,
Души невинной, ясной и простой?
Ты въ немъ блисташь, какъ камень самоцвѣтный,
Какъ радуга, божественно-мила;
Ты въ немъ символъ святой, новозавѣтный,
Кругомъ тебя языческая мгла.

Ахъ, свѣтъ готовъ страстей волною жгучей
Облить твою младенческую грудь!
Бѣги съ душой, весенней и пахучей,
Бѣги отъ насъ, и черный мѣръ забудь!
Спѣши туда, гдѣ льсъ и дикій камень
Въ пустынной тишинѣ глубоко спятъ,
Гдѣ землю окрестилъ волкановъ пламень,
Гдѣ воздухъ чистъ, живителенъ и святъ...
О, тамъ тебя не тронетъ уязвленье,
Не потемнитъ ничто твой райскій блескъ,
Ни зависти змѣиное шипѣнье,
Ни ядъ страстей, ни мѣра злобный плескъ!

АРТИСТЪ-МУЗЫКАНТЬ. (4)

„ Скажи, художникъ, гдѣ похитилъ
Смычекъ чарующій ты свой?
Какъ овладѣль имъ и насытилъ
Нашъ слухъ магической игрой? “

— Не удивляйтесь этимъ звукамъ,
Въ нихъ жизнь мятежная дрожить!
Я обречень былъ раннимъ мукамъ,
Несь бѣдность, горести и стыдъ.

Тамъ, за пучиной моря дальной,
 Любовь къ искусству затая,
 Въ странъ суровой и печальной
 Какъ сынъ цѣпей влачился я.

Тамъ охладительныя нужды
 Терпньемъ гналъ я предъ собой...

Но мнѣ привѣты были чужды:

Никто на трудъ бессонный мой,

На сокровенныя мечтанья

И къ доль избранной любовь

Не обратилъ тогда вниманья,

Не взволновалъ мнѣ славой кровь. —

Но то, что васъ влечетъ, волнуетъ,

Что сильно васъ во мнѣ дивить,

И поражаетъ и чаруетъ —

Не мнѣ оно принадлежитъ.

Я не достигъ моимъ терпньемъ,

Всѣмъ жаромъ долгаго труда —

Того, что чуднымъ вдохновеньемъ

Вы именуете всегда.

О, не изгладится страданье

Навѣкъ въ моемъ воспоминаньи,

Когда, презрѣнный отъ судьбы,

Презрѣнный также отъ толпы,

Гопталъ я, плакаль, какъ ребенокъ
 Въ досадной тѣснотѣ пеленокъ...
 Въ тотъ мигъ, отчаянїя полнъ,
 Подумалъ я: хотъ бездна волнъ
 Меня бь отъ жизни поглотила
 И мукъ земныхъ освободила —
 Я былъ бы радъ, чьмъ дни влачить
 Въ такомъ позорѣ и стѣсненїи,
 Чьмъ бесполезно жизнь губить
 Въ непросвѣтимомъ заблужденїи.
 Потомъ мнѣ въ голову зашла
 Невольно мысль о силѣ зла,
 Той силѣ мстящей и мятежной,
 Какъ жало смерти неизбѣжной,
 Чью роковую власть вовѣкъ
 Не разгадаетъ человекъ.
 Я думалъ: если нѣтъ спасенья
 Отъ вѣчныхъ бурь и потопленья,
 И если братья-люди всѣ
 Мнѣ въ чувствѣ сердца отказали,
 И рока алчнаго косъ
 Въ потраву бѣдственную дали, —
 Явись хотъ ты, о демонъ зла,
 Посланникъ силы душегубной,

Пріосъннить мои дѣла
 Твоею лаской дружелюбной!
 Хоть ты, таинственная власть,
 Почти мой жертвенникъ привѣтомъ,
 И возбуди огонь и страсть
 Въ глухомъ, болящемъ сердцѣ этомъ,
 И противъ бѣдствій дай броню,
 Да тщетныхъ слезъ я не роню! —
 И что же? Воззванная сила
 Мгновенно мнѣ себя явила.
 Я не былъ въ тяжкомъ забытіи,
 Въ какой нибудь горячкѣ знойной,
 Глаза угрюмые мои
 Глядѣли съ ясностью спокойной.
 Безъ грезъ и низкихъ страховъ, я
 Вдругъ вижу гостя у себя:
 Слетѣль пришелецъ безтѣлесный
 Подъ кровь мой нищенскій и тѣсный,
 Взялъ тихо, съ блескомъ на чель,
 Смычекъ и скрипку на столъ,
 И покоряясь произволу
 Восторговъ странныхъ, сталъ играть...
 Я думалъ, радостный, внимать
 Вихрепоющему Эолу...

И долго мощная рука
 Смычекъ пирующій водила,
 И въ полныхъ жизнию струнахъ
 Восторгъ и плачь производила,
 Раждала гнѣвъ, любовь и страхъ.
 Недосыгаемые звуки!
 Палящей скорби и страстей
 Громонеистовый ручей!
 Въ тѣхъ стонахъ, стонахъ бѣды и муки,
 Жальль, оплакиваль онъ рай...
 Но вотъ умолкнулъ духъ враждебный,
 И мнѣ подавъ смычекъ волшебный,
 Печально молвилъ: „на, играй!“
 Потомъ исчезъ. — Судьба съ тѣхъ поръ
 Ко мнѣ смягчила приговоръ:
 Я сталъ надѣяться успѣха,
 Не трепетать стыда и смѣха.
 Съ тѣхъ поръ, едва касаюсь струнь,
 Летить съ нихъ сила и перунь,
 И звуковъ цѣлая пучина,
 Клопоча, рвется на просторъ —
 Для самого меня причина
 Неразрѣшимая. Съ тѣхъ поръ,

Надменный, гордый и лукавый,
 Мнѣ улыбнулся призракъ славы,
 И запоздалою молвой
 Я удостоенъ былъ толпой.

Теперь, ласкаемый привѣтомъ,
 И жизнь въ искусство обративъ,
 Дѣлюсь я звуками со свѣтомъ,
 Ему несущи смѣчка порывъ,
 Какъ дорогое достоянне,
 Какъ мой высокій капиталъ...
 Но въ торжествѣ рукоплесканья,
 Среди восторговъ и похвалъ,
 Но мнѣ мысль грустная тѣснится,
 Что я всѣмъ счастьемъ моимъ
 Обязанъ демону; что съ нимъ
 Я подружился; что кружится
 И день и ночь онъ близъ меня;
 Мой слухъ насмѣшливо дразня,
 Мнѣ тоны шепчетъ ежечасно,
 И управляетъ самовластно

Его безплотная рука
 Огнемъ летучаго смычка.
 Тогда моей стыжусь я славы,
 И грудь сосеть змія отравы;
 Читаетъ внутренній мой взоръ
 Неотразимый тотъ укоръ,
 Что съ сыномъ вѣчнаго паденья
 Вошелъ я въ грѣшныя сношенья,
 И содрогаюсь, плачу я,
 Какъ злополучное дитя...

И такъ, что васъ влечетъ, волнуетъ,
 Что сильно васъ во мнѣ дивить,
 И поражаетъ и чаруетъ —
 Не мнѣ оно принадлежитъ
 Я не достигъ моимъ терпѣньемъ,
 Всѣмъ жаромъ долгаго труда —
 Того, что чуднымъ вдохновеньемъ
 Вы именуєте всегда!

И какъ свѣтло и какъ прекрасно,
Когда на сводъ голубомъ
Горить, пылаетъ солнце красно
Въ полудни яркомъ, золотомъ !
Лучи его текутъ какъ волны,
Пространный міръ животворя;
Всѣ твари новой жизнью полны
Отъ силъ безсмертнаго царя.

Но вотъ великое свѣтило,
Склонивъ вѣнчанное чело,
На яркихъ лаврахъ опочило,
Въ зари багряныя легло...
Угасъ гигантъ, и мракъ угрюмой,
Распростираясь надъ землей,
Обвилъ ее, какъ тяжелой думой,
Широкотѣнной пеленой.
И будто заключень въ оковы,
Миръ неподвижень, глухо спить...
Кто совлечетъ съ него покровы
И прелесть дня, возстановить?

ПОКОЙНИЦА.

Милыя дѣвы, кого убираете пышно цвѣтами,
Будто готовя къ вѣнцу? Такъ, есть невѣста у васъ:
Рѣзвая ваша подруга, вашъ цвѣтъ, обручилась съ гробомъ,
Въ немъ какъ живая лежитъ, мирнымъ объята сномъ.
Кажется, видитъ она быть веселый, сторону счастья,
Видитъ и хочетъ сказать, какъ хорошо ей вгостяхъ...
Только уста разомкнулись для рѣчи готовой не могутъ:
Мысль блуждаетъ на нихъ, тайны полна неземной.

БУКУШКА.

Благовъщенъе настало,
День великой и святой:
Солнце радостью сіяло,
Веселился міръ земной.

Православные спъшили,
Умилясь, къ алтарямъ;
О житейскомъ не тужили,
Обратившись къ небесамъ.

Сладко ихъ лилися хоры,
 Бога слава и моля...
 Имъ сочувствовали горы,
 Воды, пропасти, поля.

И льса благоговѣли,
 Оглашалася ихъ сънь:
 Птицы радостныя пѣли,
 Величая Божій день.

Лишь одна Творца забыла,
 Звуковъ славы не дала,
 Дня святаго не почтила
 И гнѣздо себѣ свила.

Какъ! Свила гнѣздо въ то время,
 Безразсудная, когда
 Цѣлый міръ откинуль бремя
 Дѣль житейскихъ и труда?

Богъ судиль за то виновной
 Безъ пристанища вѣкъ быть,
 Въ чащѣ странствовать дубровной
 И птенцовъ не выводить.

Съ той поры она летаетъ
 Безпріютно по лѣсамъ,
 Своего гнѣзда не знаетъ
 И чужда своимъ дѣтямъ.

Съ той поры она тоскуетъ,
 Нѣтъ привѣта въ міръ ей:
 Одинокая кукуетъ
 Въ темнотѣ глухихъ вѣтвей.

СХИМНИКЪ.

Обитель затворниковъ ночи покровомъ
Одълась. Но въ кельѣ, на ложь суровомъ
Безъ сна простирался монахъ молодой;
Давиль его сумракъ печальный, густой,
Давило и пасмурныхъ сводовъ молчанье,
И мъло въ немъ сердце, стѣснялось дыханье,
И не было тихой мольбы на устахъ.
Душой волновался смущенный монахъ,

И роємъ ходили въ немъ скорбныя думы:
 „Такъ ночи и дни мои вѣчно угрюмы...
 Міръ Божій прекрасенъ, прекрасенъ весь свѣтъ,
 Лишь въ этихъ стѣнахъ утѣшенія нѣтъ!...
 Тамъ лица весельемъ и свѣжестью блещутъ,
 Сердца согреваются, жаромъ трепещутъ,
 А здѣсь одиночество, мракъ, пустота,
 Страшитъ безконечныхъ ночей долгота, —
 И, жертвенникъ подвиговъ мертвыхъ, бесплодныхъ,
 Какъ будто въ объятіяхъ гроба холодныхъ,
 Среди безотвѣтныхъ, удушливыхъ стѣнъ,
 Жизнь медленно стынеть — жизнь иго и пльнь...“

Вдругъ утренній благовѣсть громко раздался;
 Въ обители мигъ усыпленья прервался,
 И бодрые старцы къ молитвѣ святой
 Стеклися во храмъ. Что жъ монахъ молодой?

Не слышитъ онъ тихаго голоса братій,
 Но звонъ его душу исторгъ изъ объятій
 Ночнаго мечтанья: онъ вздрогнулъ, молчитъ...
 Въ ушахъ его благовѣсть мощный звучитъ,

И стонетъ протяжно, какъ плачь сокрушенья,
И вопить надъ нимъ, какъ глаголь обвиненья...
Онъ вспомнилъ Небесъ неизмѣнный завѣтъ
И данный Творцу добровольно обѣтъ,
Слова отреченія, клятву страданья,
И ночи послѣдней мятежь и роптанья;
И ужасъ родился въ монахъ нѣмомъ...
Онъ хочетъ святымъ осѣниться крестомъ —
Но съ груди не въ силахъ рука приподняться,
И персты сомкнулись и тяжело томятся;
Онъ хочетъ моленія шопотъ издать —
Уста измѣняются, не могутъ въщять;
Онъ хочетъ заплакать и жаждетъ потока
Слезъ теплыхъ — но слезы не льются изъ ока...
Лишь утренній звонъ раздается въ ушахъ,
И стонетъ надъ нимъ, и трепещетъ монахъ!

Куда летишь, сожженный пыломъ
Души безумной, молодой?
За этимъ губящимъ свѣтиломъ,
За этой радужной красой?

Ты потонуль, дитя, въ пучинь,
И сиротьющій твой чѣлнь,
Какъ жертва бурь, несется нынѣ
По мрачной безднѣ мрачныхъ волнь!

УТЪШЕНІЕ.

Съ закатомъ тихій мракъ на землю опускался,
Величественный сводъ звѣздами убирался,
И точками, едва примѣтными, онѣ
Являлись чередой на ясной вышинѣ.
Рабъ горестей земныхъ, житейскаго волненья,
Къ нимъ поднIAL я глаза — и чувство утшенья,
Невѣдомое мнѣ дотоль, ощутилъ:
Безчисленность вдали затепленныхъ свѣтилъ,

Святая глубина небесъ, ихъ безконечность
Представили душъ таинственную вѣчность...
Мятежный сынъ земли! себѣ я говорилъ:
Что значать всѣ твои мгновенныя страданья?
Предъ зрѣлищемъ небесъ умолкнуть имъ должно...
Впередъ не изъяви безумнаго роптанья
И вѣрь: твоей душѣ безсмертіе дано.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Благодѣнь Божія незримо
Къ міру дольному сошла,
И земля неизъяснимо
Благольпна, весела:
Праздникъ свѣтлый, праздникъ новый
Дивно зиждется на ней;
Облеклась она въ покровы —
Въ зелень роць, узоръ полей.

Вся природа, встрѣтивъ лѣто,
 Гимны радости поетъ;
 Небо яхонтомъ одѣто,
 Жарко вызолочень сводъ,
 И на немъ горитъ великій,
 Немерцающій алмазь,
 Будто вѣчнаго Владыки
 Неусыпно-бдящій глазъ:

Неба горнія селенья
 Торжествомъ озарены:
 Тамъ, у трона Провидѣнья,
 Плещуть свѣтлые чины;
 Трисвятаго именуютъ
 И поютъ предъ высотой,
 Гдѣ, сліясь въ одно, ликують
 Сынъ, Отецъ и Духъ Святой.

Передъ сонмищемъ нетлѣннымъ
 Распустился Божій садъ,
 И жильцамъ присноблаженнымъ
 Спѣетъ райскій виноградъ.

Вьются радостныя нущи
 Подъ сіяніемъ вѣнцовъ:
 Ихъ поставиль Всемогущій
 Для веселія духовъ.

И ко смертнымъ отъ эѳира
 Торжество перенеслось,
 Эхомъ благодати и мира
 На землю отозвалось.
 И земля, пируя свято,
 Клонить Господу чело:
 Все мольбой на ней объято,
 Благочестіемъ свѣтло.

И залогъ небесной славы,
 Откровенія печать,
 На Апостольскія главы
 Сходитъ Духа благодать...
 И постигли чинь великій
 Вдохновенныя сердца,
 И влекутъ они языки
 Къ разумнiю Творца!

СИРОТА.

Передь домомь богача

У вороть стоить стуча

Бѣдная сиротка.

Слезна виснетъ на глазу,

Тихо третъ она слезу

Кончиномь платочка.

Видно, горе въ ней живеть,
 Чувство раннее заботь,
 Съ жизнью неразлучныхъ.

Беззащитна и бѣдна,
 Видно, чуеть ужь она
 Долю злополучныхъ.

Что же, милая, кольцомъ
 Шевелишь ты у хоромъ,
 Гдѣ тебя не знаютъ?

Гдѣ нѣтъ жалости давно
 И спѣсиво за окно
 Нищимъ хлѣбъ кидаютъ?

И тебѣ ли, сирота,
 Отопрутъ здѣсь ворота,
 Если на запорь?

Туть живеть торгашь-купецъ,
 Онъ тебь вѣдь не отецъ,
 Не утѣшитъ въ горь.

У него сынъ молодой,
 Онъ женихъ, да не съ тобой
 Будеть обручатся.

Есть толпа усердныхъ слугъ,
 Не тобой они, мой другъ,
 Рады заниматься.

Ахъ, не жди себь добра,
 Отъ високаго двора,
 Гдѣ лишь много лоску!

Не стучися цѣлый день,
 Ты нашла на мертвый пень:
 Нѣтъ въ немъ отголоску.

Дочь убогой простоты,
 Не слыхала развь ты
 Словъ сердитыхъ, лаю?

Ненавидя нищету,
 Здѣсь отгонять сироту,
 Спустять борзыхъ стаю.

Не смотри на этотъ домъ!
 Лучше, милая, поидемъ
 Въ бѣдную лачугу.

Вонь-что прячется въ земль
 И темна... но въ этой мгль
 Ты найдешь услугу.

Въ этой хижинь живутъ
 Тѣснота, безмолвный трудъ,
 Бѣдность и терпѣнье;

Холодъ, голодъ... нужды нѣтъ :
 Ты услышишь тамъ привѣтъ,
 Ласку, утѣшенье.

Тамъ есть другъ тебѣ родной,
 Сходный жребіемъ съ тобой,
 Братъ твой малолѣтній:

То жъ наслѣдство — нищета ;
 Какъ и ты онъ сирота ,
 Въ міръ безпривѣтный.

Да: подъ крылышкомъ роднымъ,
 Отъ одной груди вы съ нимъ
 Нькогда питались;

Вмѣстѣ плакали, какъ мать
 Уставала васъ качать;
 Вмѣстѣ пеленались.

И игрушки вась одна
Забавляли въ тишинь
Пасмурной лачуги...

И на жизнь одной канвы
Рокомъ брошены ужь вы,
Жалостные други!

ЛУНА.

Издадека звѣзды блещутъ,
Слабо свѣтъ роняя свой,
И завистливо трепещутъ,
Помраченныя луной:
Выполняя чинъ царицы
На поляхъ небесъ, она
Изъ серебряной свѣтлицы
Возстаетъ убьлена.

Небо, радуясь богинь,
 Развиваетъ синій сводъ
 И въ лазоревой вершинь
 Ненаглядную ведетъ.
 Въ облакахъ купаясь вольно,
 Подымается луна
 И глядитъ самодовольно
 На земныя племена . .

СОНЕТЪ.

Зачѣмъ, о дѣва-красота,
Владѣешь грудью ты лилейной?
Зачѣмъ улыбкой чудодѣйной
Твои красуются уста?

Ты вся любовь и вся мечта...
Полна ты жизни беззатѣйной
И дышешь нѣгой тиховѣйной,
Огнемъ и свѣтомъ налита!

О, какъ роскошно, какъ отрадно
Отдать себя тебѣ во власть,
И предъ тобою, ненаглядной,
Въ восторгъ трепетномъ упасть,
И языкомъ лобзаній жадно
Ввѣрять тебѣ нѣмую страсть!

СВѢТЪ И МРАКЪ.

На сводъ утреннемъ, въ торжественность одѣтомъ,
Едва зажжется день, обильный теплотой —
Какъ весело душъ, обрадованной свѣтомъ!
Несетъ ее мечта въ мѣръ высшій и святой.
Летитъ она какъ звукъ, какъ бабочка порхаетъ,
И вьется надъ землей, тамъ, гдѣ предѣловъ нѣтъ,
И въ солнечныхъ лучахъ блаженство почерпаетъ...
Не родина ль души днемъ царствующій свѣтъ?

Когда же по лицу земному чередою
 Задумчивая ночь раскинется во мглахъ
 И опояшетъ міръ глубокой тишиною —
 Невѣдомый душа испытываетъ страхъ.
 Томить ее какъ цѣпь свинцовое молчанье,
 И призраки встаютъ и носятся во мгль,
 И чувствуетъ она невольно содроганье,
 Въ насильственныхъ мечтахъ о гибели и злѣ.
 Ей душень этотъ мракъ и страшень какъ могила...
 Не царствуетъ ли въ немъ отверженная сила?

Разыгралось сине море —
Волны мечутся, кипятъ,
И въ неистовомъ раздоръ
Потопленіемъ грозятъ.

Кто надъ бездною власть докажетъ,
Ярость дикую уйметъ
И безмолвіемъ обяжетъ
Глубину ревущихъ водъ?

Для мятежной ихъ гордыни
 Нѣтъ препоны никакой...
 Сокрушаются твердыни
 Передъ бездною роковой.

Такъ бунтующія страсти
 Въ сердце пламенномъ кипятъ...
 Чей разумъ гордой власти
 Подчинить ихъ страшный адъ?

Чужды границъ и мѣрь не знаетъ
 Ихъ свирѣпый произволь:
 Запылавши, потопляетъ
 Въ безднѣ ярыхъ смуть и золь.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Столицы шумной житель новый,
Чудесь я много вижу здесь,
И поражаться всѣмъ готовый,
Предъ свѣтомъ умъ теряю весь.
Но сердце какъ-то суевѣрно
Права завѣтныя хранить
И дружбѣ свѣта лицемерной
Предаться разомъ не спѣшить.

Хоть каждый день, смущеннымъ взоромъ
 Невольно къ міру полетѣвъ,
 Блестящихъ прелестью, уборомъ
 Я вижу здѣсь роскошныхъ дѣвъ,
 Хоть каждый день ихъ блещутъ очи
 Передо мной свѣтлые звѣздъ, —
 Однако мнѣ въ видѣньяхъ ночи
 Все снится дѣва дальнихъ мѣстъ,
 Тѣхъ мѣстъ отрадныхъ, гдѣ, бывало,
 Сиротка утренней порой,
 На грудь накинувъ покрывало,
 Бѣжитъ съ кувшиномъ за водой,
 И вотъ домчится: милымъ станомъ
 Сгибаясь, черпаетъ въ рѣкъ,
 Отъ водъ поднявшимся туманомъ
 Полузакрыта вдалекъ;
 И вотъ спѣшитъ она въ свѣтлицу,
 Такъ восхитительно-стройна...
 А я гляжу все на дѣвицу
 Изъ одинокаго окна.

ДЕМОНЪ.

Ты тихъ, спокоенъ, ты молчишь,
Въ углу задумчиво сидишь,
Чело подернуто туманомъ;
Но вдругъ, какъ чуднымъ талисманомъ
Внезапно пробуждены отъ сна,
Встаешь, бѣжишь, тебѣ тѣсна
Глухая, темная лачуга,
Въ твоей груди запѣла вьюга,
Забилась шумная волна...

Какъ подь огнемь металла слитокъ
 Сверкаетъ, полонь жаркихъ силъ,
 Такъ распаяль, опламениль
 Тебя звучащій сердца пыль
 И думь стремительныхъ избытокъ...
 Но кто, скажи, твой духъ исторгъ
 Изъ мрачныхъ узъ оцъпененья?
 Кто сообщилъ тебь восторгъ
 И бурный трепеть изступленья?

Ахъ, это гость чудесный твой,
 Другаго міра странный житель,
 Духъ-чародѣй, духъ-возмутитель,
 Гремящій молніей и мглой!

МОЛИТВА ИВЕРСКОЙ.

Источникъ отрады священной и чистой,
О жаркія слезы! Безъ звука, безъ словъ,
Я лиль васъ предъ Образомъ Дѣвы Пречистой,
Предъ Образомъ древнимъ, что столько вѣковъ
Чудесно стоитъ у завѣтной твердыни,
И въ свѣтлыхъ лампадахъ не гаснетъ елей,
И съ вѣрой, съ молитвами дивной святыни
Устами касаются роды людей.

И въ радости сердца, въ мечть непонятной,
 Я долго предъ Образомъ древнимъ стояль,
 И рдѣль милосердіемъ ликъ Благодатной,
 И трепетнымъ людямъ покровъ обѣщаль.
 И внутреннимъ голосомъ несъ я моленья:
 О дай, Непорочная, жизни святой,
 Дай чистыхъ желаній, дай слезъ и терпѣнья,
 И думъ изступленныхъ мятежь успокой!

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Среди полунѣчи, молчаньемъ обвитой,
Вдругъ Божіи церкви прервали покой,
Какъ свѣчки затеплились ярко, открыто,
И чуднаго свѣта одѣлись игрой.

Но кто же въ красу торжества и веселья
Вдругъ убрасть святое чело алтарей?
Зачѣмъ на нихъ блещутъ кругомъ ожерелья,
Цвѣтутъ золотыя гирлянды огней?

Не это ли дѣвы, готовыя къ браку,
 Что всѣхъ на пльнительный праздникъ зовутъ,
 Съ елеемъ горящимъ противятся мраку
 И въ жаркихъ мечтахъ обрученнаго ждуть?

Такъ, это невѣсты: мигъ сладостно-дивный
 Ужъ близокъ... И вдругъ загудѣло... Къ звездамъ
 Помчался торжественно гуль непрерывный,
 Могучая жертва хвалы небесамъ.

И смерти орудія, дочери браней,
 Очнулись глубоко, запыли огнемъ,
 Свой плескъ раскаленный изъ мѣдныхъ гортаней
 Посыпали громко въ концертъ святомъ.

И сердце звенить въ насъ, и движется волосъ...
 И все, все слилось, отъ земли до небесъ,
 Въ одинъ упоительный, огненный голосъ:
 Распяты воскресь! Погребенный воскресь!

АБАЛАКЪ. (5)

Страну Кучума, край богатый,
Намъ Богъ чудесно дароваль.
Еще спокойствіемъ объятый —
Тоть край судьбы Творца читаль:
Тамъ предъ невѣрными очами,
На свѣтломъ воздухъ порой
Вдругъ съ колокольнями, крестами
Являлся городъ золотой;

И съ высоты внезапнымъ звономъ
 Дрожащій слухъ былъ пораженъ,
 И звѣри дикіе со стономъ
 Изъ темныхъ рощъ бѣжали вонъ;
 Иртышъ багровѣль, будто гнѣвомъ
 И роковымъ позоромъ полнъ,
 И мчался вдаль съ унылымъ ревомъ,
 И тяжно бился грудью волнъ.

И вотъ предвѣстья совершились:
 Какъ непонятный метеоръ,
 Возсталъ Ермакъ... Поработились
 Намъ сонмы чуждыхъ рощъ и горъ!
 Отринулъ рокъ мольбы шамана,
 Его сковали страхъ и стыдъ,
 И онъ въ лѣса, подъ кровь шайтана,
 Въ безмолвномъ ужасѣ бѣжить...

И нѣтъ Кучума, нѣтъ Искера:
 Къ народамъ дикимъ, вмѣсто ихъ,
 Спѣшила истинная Вѣра,
 И шумъ кровавой брани стихъ.

И вотъ, на лонь разрушенья,
 На лонь пасмурныхъ степей,
 Ужь православныя селенья
 Стоять — отрада для очей.
 И свѣтъ блеснулъ въ странь суровой,
 И тамъ звучить иной земли
 Одолявающее слово,
 Тамъ миръ и счастье взошли.

И вскорь созданы тамъ были,
 Какъ признакъ жизни и труда,
 Какъ центръ промышленныхъ усилій,
 Приюты обществъ — города.
 Сперва надъ мирною Турою
 Тюмень возвысилась, потомъ
 Тобольскъ надъ гордою волною,
 Надъ величавымъ Иртышомъ...
 И свыше благодать Провиденья
 Приосъняла и вела
 Плодъ чловѣческаго рвенья,
 Новорожденныя дѣла.

Уже Тобольскъ стоитъ полвѣка:
 Въ немъ быстро всходятъ и растутъ,
 И предприимчивость, и трудъ,
 И всѣ успѣхи человѣка.
 Уже служители Христа,
 Дыша для Вѣры и святыни,
 Внесли въ далекія пустыни
 Изображеніе Креста;
 Уже влекутъ они къ Распятью
 Суровыхъ множество сердець...
 Какъ вдругъ обрадоваль Творецъ
 Міръ цѣлый новой благодатью,
 Да оживляющійся край
 пойметъ любовь Его яснѣе,
 Кресту поклонится теплѣе,
 Обниметъ свѣтъ, увидитъ рай!

Кого жь избралъ Онъ, Правосудный,
 Орудьемъ благи Своей?
 Кто произволь святой и чудный
 постигъ, услышалъ изъ людей?
 О простота, удѣль смиренья,
 Удѣль безвѣстности глухой!

Къ тебѣ слетають откровенья,
 Дары Премудрости святой . .
 Въ быту сокрытомъ и убогомъ
 Ты помнишь Небо лишь одно,
 И между смертными и Богомъ
 Тебѣ посредничать дано !

Чудесное событіе, составляющее предметъ этихъ сла-
 быхъ страницъ, происходило при Царь Михаилъ Тео-
 доровичъ и относится къ 1636 году. Въ Абалакъ, нынѣ
 большомъ селеніи, а тогда бывшемъ безлюдною дерев-
 нею, жила бѣдная, набожная вдовица Марія. Однажды во
 снѣ явилась ей Икона Богоматери, отъ которой она слы-
 шала голосъ: „встань и объяви людямъ, чтобы здѣсь,
 во имя мое, построили отъ усердія своего церковь ;
 такъ угодно моему Сыну и Богу.“ Марія проснулась,
 но сомнѣваясь въ истинѣ видѣннаго, боялась откры-
 вать его. Чрезъ нѣсколько времени видѣніе повтори-
 лось наяву, и въ третій разъ, когда она сидѣла въ хи-
 жинѣ одна, явился ей на воздухъ, съ Иконою Богома-
 тери, Угодникъ Николай, угрожая за ослушаніе гнѣ-
 вомъ Божіимъ. Упавъ среди хижины, Марія въ стра-

даніяхъ умоляла Богоматерь простить ей безвѣріе; тогда отъ Иконы слышались слова: *трудно ей*, и Марія пришла въ прежнія чувства, а видѣнія уже не было. Она не могла долѣе утаивать видѣннаго и все открыла духовнику своему, прося его, чтобы онъ сообщилъ о томъ людямъ. Но духовникъ, по недовѣрчивости, или изъ опасеній, молчалъ о словахъ Маріи.

Наконецъ, въ четвертый разъ, когда она шла изъ Абалака въ Тобольскъ по житейскимъ надобностямъ, вдругъ на пути поднялся предъ нею облачный столпъ, и въ столпъ явился опять Угодникъ Пиколай, съ Иконою Богоматери. Марія остановилась въ ужасъ. Между тѣмъ Святитель говорилъ ей: „преступная! зачѣмъ не повинешься судьбамъ Божиимъ? Развѣ хочешь, чтобы за твое ослушаніе терпѣли другіе? Поди, открой все видѣнное тобою міру; если же люди тебя не послушаютъ, тогда не ты, а они будутъ наказаны.“ Видѣнія не стало. Марія насилу могла тронуться съ мѣста, и пришедши въ Тобольскъ, начала всѣмъ рассказывать о чудныхъ явленіяхъ. Народъ толпами стремился на ея слова и громко благодарилъ Бога за ниспосланіе святой воли. И бѣдные и богатые, всѣ хотѣли участвовать въ

исполненіи небеснаго вельнія — строить въ Абалакъ церковь. Поспѣшно составили планъ и съ благословенія архіерея приступили къ дѣлу.

Скоро дѣйствіе Промысла подтвердилось явными чудесами. Одинъ земледѣлецъ лежалъ въ тяжелой болѣзни, лишенный движенія. Къ нему пришелъ нищій Павелъ и сталъ совѣтовать, чтобы онъ обѣщался для новой церкви написать Икону Богоматери. Разсказъ Павла про явленіе возбудилъ въ больномъ чистѣйшую вѣру, и онъ съ великою радостью далъ спасительный обѣтъ. У нихъ рѣчь была поутру, а вполдень разслабленный почувствовалъ уже облегченіе и началъ примѣтно владѣть собою. Въ то же время заказанъ отъ него иконописцу Образъ Богоматери, и вскорѣ страдалецъ, совершенно оправившись, самъ пришелъ за Иконою въ Тобольскъ и поставилъ ее въ Соборномъ храмѣ, гдѣ она была до окончанія въ Абалакъ церкви.

Стоитъ пустынный Абалакъ

На крутизнь горы высокой :

Въ ненарушимости глубокой

Предъ нимъ льсовъ раскинутъ мракъ;

Вдали громады ихъ одъло
 Небесь туманной синевой;
 Внизу шумить осиротъло
 Иртышь. Онъ пьнится волной,
 Невольникъ грустно-безнадежный;
 Давно хребеть его мятежный
 Рыбакъ весломъ перекрестиль
 И въ волны съти запустиль.

Вдругъ слава чуднаго явленья,
 Проникнувъ мiръ святымъ огнемъ,
 Глухой прiютъ уединенья
 Одушевила торжествомъ...
 Ужь быстро начали, возводятъ
 Храмъ въ Абалакъ, и туда
 Изъ дальнихъ мѣсть толпы приходятъ,
 Чтобъ освятиться отъ труда.
 Какая ревность въ ихъ усильяхъ,
 Какой восторгъ во всѣхъ сердцахъ!
 Растеть, летить какъ бы на крыльяхъ
 Священный трудъ, ходатай благъ!

Грядами кедры въковые
 Подъ звучнымъ пали топоромъ,
 И ихъ несутъ валы съдые
 Къ горь крутой — на Божій домъ.
 И вотъ, на избранной вершинь,
 Завѣтъ и радость племенамъ,
 Чертогъ молитвамъ и святынъ,
 Поднялся новозданный храмъ.

И мигъ насталь, мигъ вождельный,
 Мигъ благодатный, неземной:
 Дарь, земледѣльцемъ принесенный —
 Икону Дѣвы Пресвятой
 Повельваеть архипастырь
 Нестъ въ Абалакъ и въ новый храмъ
 Торжественно поставить тамъ.
 И все стеклось на праздникъ дивный,
 Живыхъ стремительнѣе водъ,
 И звонъ ликующій, призывный
 Влаговѣститъ прекрасный ходъ.
 Хоругви тронулись, и вотъ,

Между безмолвными толпами,
 Приосьненная крестами,
 Икона движется... За ней,
 Блистая, стражи алтарей
 Идутъ величественнымъ хоромъ;
 Идутъ таинственнымъ соборомъ
 И братья-иноки. Гремить
 Священнодѣйственное пѣнье,
 Съ кадилъ пылающихъ куренье
 Благоуханное бѣжить...

Идутъ среди восторговъ чистыхъ,
 Горить у всѣхъ отрадой ликъ...
 Путь пролегаль въ поляхъ лѣсистыхъ
 Черезъ деревню Шанталыкъ. (6)
 Въ деревнѣ той печали жили:
 Тамъ и трудился и скорбѣль
 Простой, безвѣстный мужъ Василій —
 Онъ дочь болящую имѣль.
 И дочь одна, зѣница ока,
 Любовь души, во цвѣть лѣтъ,

Завидно хороша, висока,
 Но ей отказанъ Божій свѣтъ.
 Ея глаза давно страданьемъ
 Поражены, и лучъ дневной
 Съ своимъ привѣтливымъ сіяньемъ
 Ей недоступенъ, ей чужой.
 Предъ нею міръ глубокой тмою
 Подернуть весь; она весною
 Не видитъ прелести цвѣтовъ,
 Ни мглы раскидистыхъ кустовъ.

И вотъ узналъ отецъ унылой,
 Что Благодатную несутъ,
 И вспыхнулъ вѣры чудной силой,
 И вмигъ забылъ печаль и трудъ . . .
 Спѣшитъ во срѣтенье Пречистой,
 И жарко падаетъ предъ ней,
 И слезы льетъ волной струистой,
 Молясь Помощницъ скорбей:
 „О Непорочная, Святая,
 Ты жизнь, ты свѣтъ земли и рая!

Дай бѣдной дочери моей
 Увидѣть ясными очами
 Твой свѣтый Образъ, да съ мольбами
 Она поклонится Тебѣ...
 О помощи своей рабѣ! “

И онъ исполнился надежды,
 Домой торопится... Глядитъ:
 Съ весельемъ дочь къ нему бѣжитъ —
 Ея бользенныя вѣжды
 Открыты бодро и свѣтло...
 Василій думаетъ: что съ нею!...
 Дочь кинулась къ нему на шею,
 Цѣлуетъ въ очи и чело...
 И крѣпко грудь его сжимая,
 „Родитель! говорить, сама я
 Себя не помню: погляди...
 Огонь въ глазахъ, огонь въ груди...
 Какъ ты ушелъ, я у порога,
 Вотъ здѣсь, тебя присъла ждатель.
 Одна, я думала про Бога
 И про Святую Дѣву-Мать.

И долго, долго я сидѣла,
 Глазами темными смотрѣла
 Вокругъ порога моего
 И не видала ничего.
 И вдругъ я слышу пѣнье, топоть...
 Ахъ, это съ Образомъ идутъ!
 И вырвался молитвы шопоть...
 Не знаю, что со мною тутъ
 Случилось, только я невольно
 И дико бросилась къ окну —
 И чувствую, глазамъ не больно...
 Какъ будто кто-то пелену
 Внезапно скинулъ съ нихъ, и свѣтомъ
 Ихъ окатилъ! И я кресты
 И ходъ увидѣла, и въ этомъ
 Народъ Божьемъ плачешь ты...“

Какъ сильно грудь отца пылала!
 Какъ счастливъ былъ онъ въ этотъ мигъ!
 Уста восторженность сковала,
 И нѣмъ отъ радости языкъ:
 Онъ ищетъ словъ и не находитъ,
 На дочь, въ стѣсненьи чувствъ, глядитъ...

Вотъ съ ней за Образомъ спъшить. .

Онъ въ Абалакъ его проводить,

И тамъ отслужить Пресвятой

Молебень съ вѣрой огневой.

И чудо новое мгновенно

Проникло набожный народъ:

Одинъ другому умиленно

Его въ пути передаетъ,

И Образъ новымъ поклоненьемъ

И новой славою святить. . .

Но вотъ, предъ крестнымъ ополченьемъ,

Ужь Абалакъ вдали открыть,

И храмъ высокій, храмъ нагорный

Свѣтло красуется очамъ. . .

И вносять Образъ чудотворный

Въ сѣнь освященную, въ тотъ храмъ.

О часъ божественный! Отнынѣ,

Въ глухомъ углу, въ нѣмой дустынѣ

Все живо, звучно... разлита
 Блаженной вѣры теплота...
 Сюда, къ таинственной святынь,
 Къ мечу житейскихъ бѣдъ и зла,
 Стремятся волны православныхъ,
 И здѣсь — свершаются дѣла
 Чудесь безчисленныхъ и явныхъ.

Одинъ идетъ на костыляхъ...
 Онъ всталъ едва съ постели, бѣдный;
 Онъ много лѣтъ хирѣлъ и чахъ,
 И вотъ пришелъ, изсохшій, блѣдный,
 Къ святому Образу воздѣтъ
 Свои нѣмвющія руки,
 Излить мольбу, свой стонъ и муки,
 И грудь надеждой разогрѣть...
 И будто вдругъ бальзамъ цѣлебный
 Коснулся немощныхъ костей,
 И съ пѣснью радостной, хвалебной
 Идетъ онъ въ домъ — безъ костылей.

Иной лишень святаго дара —
 Привѣтно лепетомъ роднымъ
 Себя высказывать другимъ...
 Языкъ въ цѣпяхъ: какая кара!
 Дышать съ подобными себѣ,
 Иметь и мысли, и желанья,
 И роковыя испытанья,
 Въ земной сокрытыя судьбѣ,
 И узы вѣчнаго молчанья
 Печально несть; не въ силахъ быть —
 Ни тайной думы, ни страданья,
 Ни воли брату сообщить!...
 Но вотъ — предъ ликомъ Благодатной,
 Ньмой срывается языкъ,
 И сильный рѣчью, всемъ понятной,
 Онъ издаетъ восторга кликъ!

Тотъ пораженъ утратой слуха:
 Ни грома трескъ, ни бури стонъ,
 Ни мощный колокола звонъ
 Дремоту скованнаго уха
 Прервать не сильны... Божьихъ словъ,

Чудесныхъ истинъ Откровенья,
 Ни утѣшительнаго пѣнья
 Не слышитъ онъ, когда стоитъ
 Во храмъ свѣтломъ — и закрытъ
 Ему источникъ умиленья;
 Предъ нимъ ключъ радости изсякъ. . .
 Но вотъ пришелъ онъ въ Абалакъ
 И пролилъ теплыя моленья,
 И ухо дремлющее вдругъ,
 Оживъ, почувствовало звукъ!

И годы льются, годы мчатся,
 И чудеса Иконы той,
 Благословенныя, творятся
 Неистошимою чередой.
 И грудь земли, раскрывъ умильно
 Всю роскошь тайныхъ силъ своихъ,
 Выносить пышно и обильно
 Дары на нивахъ золотыхъ;
 И лѣтній зной полей не губить,
 И злаковъ молнія не жжетъ

И градъ стремительный не бьетъ...
 Роса ихъ ласковая любить,
 И ихъ урочною порой
 Кропитъ жемчужною струёй.

Но изъ годовъ, цвѣтущихъ счастьемъ,
 Быль годъ суровый для земли:
 Весна грустила подъ ненастьемъ,
 Дожди холодные текли...
 Полей затопленнаго лона
 Чуждался спрятавшійся лучъ,
 И не сходили съ небосклона
 Громады сѣрыхъ, дикихъ тучъ.
 Ревѣли вѣтры буйнымъ хоромъ,
 Клубили мракъ сѣдыхъ небесъ,
 И подъ ужаснымъ ихъ напоромъ
 Срывались пни, ломался лѣсъ.
 И мстя враждующимъ возстаньемъ
 За плѣнь безславный, въковой,
 Иртышъ катился съ клокотаньемъ,
 Съ угрозой бѣшено-слѣпой...

И воды вздутыя надменно
 Шли на просторъ изъ береговъ
 И покрывали изступленно
 Поверхность пашень и луговъ.

И люди чувствовали трепеть,
 За свой страшились удѣль,
 Потопа ждали... Скорбный лепеть
 Къ Творцу отчаянно летѣль.
 Вдругъ архипастырь повелѣль,
 Къ отрадѣ всѣхъ, какъ оборону
 И щить растерзанной земли,
 Ту чудотворную Икону
 Принести въ Тобольскъ — и принесли...
 И чистой, пламенной душою,
 Съ благоговѣйною тоскою,
 Мольбы смиренныя предъ ней
 Во храмъ лиль архіерей...
 И въ тотъ же день дожди и бури
 Утихли. Съ дѣвственной лазури,
 Изъ-за бѣгущихъ облаковъ,
 Пробился лучъ, опять готовъ

Живить, лелхать мѣръ унылый,
 И снова прелестъ ясныхъ дней
 Настала. Схлынули съ полей
 Ручьи, потоки. Цвѣтъ и силы
 Сошли на землю, и она
 Дышала, роскоши полна...
 И — признакъ благодати небесной —
 Въ святой раскинуты красъ,
 Созрѣли жатвою чудесной
 Поля запаханная всѣ.

И скорбь смѣнило ликованье,
 Сердца наполнились отрадъ...
 Тѣ дни святить воспоминанье,
 Завѣтный, сладостный обрядъ:
 Какъ мѣръ подъ лѣтними лучами
 Заблещетъ свѣтомъ и красами —
 Съ тѣхъ поръ (7) бываетъ каждый годъ
 Изъ Абалака крестный ходъ,
 И Образъ, славный чудесами,
 Въ Тобольскъ приносятъ (8), и за нимъ
 Стремится съ трепетомъ живымъ,

Народъ... И клиромъ окруженный,
 Выходить самъ Преосвященный,
 Въ одежду ярко-золотой,
 Навстрѣчу къ Дѣвѣ Пресвятой.
 И Образъ дивный въ храмъ Соборный
 Несутъ и ставятъ при мольбахъ:
 Восторгъ пылаетъ животворный
 Въ кипящихъ ревностью сердцахъ!
 Всѣ — старь и молодь, дѣвы, жѣны —
 Тутъ умилительно стоять:
 Земные, жаркіе поклоны
 Предъ Богоматерью творять.
 И непрерывно ихъ моленья
 Бѣгутъ какъ пламенный потокъ,
 Пока святаго посѣщенья
 Вдругъ не настанетъ грустный срокъ (9).

МОЙ ДОМИКЪ.

Надъ тихимъ, зеркальнымъ заливомъ
Стоитъ укромный домикъ мой,
Гдѣ я въ бездѣйствіи счастливомъ
Вкушаю нѣгу и покой ;
Гдѣ все блаженною свободой
Упоено. . . Цвѣтеть весна :
Я занять свѣтлою природой —
Друзья мнѣ солнце и луна.

Они, смѣняясь величаво,
 Надъ мирной хижиной моей
 Восходятъ, вѣнчанныя славой,
 Въ одежду свѣта и лучей.

Когда по темному ээиру
 Ночей владычица плыветъ
 И убаюканному міру
 Сны очарованные льетъ,
 И ликъ ея трепещетъ нѣжно
 На лонь зыбкой глубины —
 Я созерцаю безмятежно
 И мракъ, и чудный свѣтъ луны.
 И мнѣ обильными мечтами
 Съ высотъ она благодворить,
 И сокровенными словами
 Съ юдольнымъ сердцемъ говорить...
 Когда жь плѣнительнымъ разсвѣтомъ
 Блеснетъ восточный небосводъ,
 Я благодарственнымъ привѣтомъ
 Встрѣчаю солнечный восходъ;

И гимнь услыша, плещуть воды

Царю могучему природы,

Все радо, все отозвалось

И въ пѣсню жаркую слилось...

Поднявъ изъ розовыхъ объятій

Зари пылающей главу,

Прекрасень, полноъ благодати,

Онъ разсѣкаетъ синеву.

И лучь его ко мнѣ въ лачугу

Съ полей лазоревыхъ летить,

И снисходя къ земному другу,

Весь день у смертнаго гостить.

ГОРОДЪ.

Когда смотрю, пльнень неизъяснимо,
На этотъ кругъ безчисленныхъ домовъ,
Гдѣ жизнь людей кипить неутомимо,
Возросшая подъ яростью вѣковъ,
И вспомню то, какъ груда этихъ зданій
Возникла, поднялась и разцвѣла,
И сколько бѣдъ и лютыхъ испытаній
Въ стѣнахъ своихъ она перенесла —

Тогда я весь дрожу отъ умиленья,
Тогда я говорю съ собой самимъ :
Такъ! здѣсь есть нѣчто выше разрушенья,
Хоть слитое съ ничтожествомъ земнымъ.

ПАВЛИНЪ И ПАВА.

Взоръ ослѣпляя красой величавой,
Блещеть въ цвѣтахъ, изумрудахъ павлинь,
Гордо разводитъ свой хвостъ передъ павой,
Съ перьевъ льетъ золото, яхонтъ, рубинь...
Пава жь красуется прелестью скромной,
Ходить предъ нимъ безъ цвѣтовъ, безъ лучей,
Тихо стараеть любовію томной,
Нѣжная узница нѣжныхъ страстей.

Дышетъ она ненаружною славою,
 Тайнымъ богатствомъ... Зачѣмъ же одинъ,
 Взоръ ослѣпляя красой величавой,
 Блещетъ въ цвѣтахъ, изумрудахъ, павлинь?

Въ старыя годы, вѣщаетъ преданье,
 Съ набожнымъ міромъ сбиралась чета
 Праздновать Свѣтлаго Утра сіянье,
 Радостно встрѣтитъ Владыку-Христа.
 Въ мигъ предъ Заутреней, въ мигъ вдохновенный
 Пава служила павлину; на немъ
 Бисеръ сіяющій, цвѣтъ драгоцѣнный
 Такъ и низала въ весельи нѣмомъ.
 Вотъ уже грудь его, хвостъ его, шея
 Мечутся въ радугахъ... Кончила трудъ:
 Сердце отрадой умильною грѣя,
 Стала рядиться сама она тутъ;
 Голову яркимъ вѣночкомъ одѣла —
 Вдругъ святой благовѣсть прервалъ уборъ:

Пава украситья вся не успѣла,
 Такъ и осталась безъ блеску... Съ тѣхъ поръ
 Дышетъ она только внутренней славой,
 Тайнымъ богатствомъ, а гордый павлинь,
 Взоръ ослѣпляя красой величавой,
 Съ перьевъ льетъ золото, яхонтъ, рубинъ.

БЕЗПОКОЙСТВО.

Зачѣмъ, на лонь тишины,
Въ безпечности благополучной,
Мы непонятно смущены
Тоской заботливости скучной?
Когда бездѣйствіе и лѣнь
Глубоко душу усыпляютъ,
Въ дремоть топятъ каждый день
И мирно жизнь уничтожаютъ —

Какой-то мстительный укоръ
 На сердце падает невольно,
 Твердить печальный приговоръ,
 И сердцу тягостно и больно...
 И вотъ, дремоты лишено
 И приглашаемое бдѣньемъ,
 Робѣетъ горестно оно
 Предъ независимымъ стремленьемъ,
 Передъ порывомъ неземнымъ,
 Предъ цѣлью творческой, высокой,
 И страждетъ грустію глубокой,
 Изнеможенъемъ роковымъ;
 Оно и ропщетъ, и жалѣетъ,
 И негодуетъ на себя,
 И вдохновенія не смѣетъ
 Призвать, ничтожность полюбя.
 Ему бы нуженъ праздникъ духа —
 Гульба въ предѣлахъ неземныхъ,
 Пиръ ненасыщеннаго слуха —
 Пространство звуковъ золотыхъ;
 Но къ высотамъ не могутъ крылья
 Отяжельвшія парить,
 И жребій жалнаго безсилья —
 Нѣмьтъ въ оковахъ и груститъ...

Такъ лучше, сердце, не смущайся
 Предъ эхомъ творческихъ трудовъ,
 Спи тяжель, не откликайся
 На ихъ измѣннической зовъ!

ДУМА.

Что задумала, головушка,
Загадала моя буйная,
Плечь хозяйка разудалая?
Не взяла ль тебя хмьлинушка,
Не она ль зеленой чарою
Твои очи затуманила?
И кипучая, веселая,
Ты пошла опять разгуливать

По раздолью міра Божьяго
 Вольнымъ голубемъ, лебедушкой,
 И съ размахами орлиными?
 Не опять ли ты, отважная,
 Въ поднебесье путь направила
 И сиротствовать въ безсиліи
 Плеча праздныя оставила?

Нѣтъ, моя ли свѣтъ-головушка,
 Вольнымъ голубемъ, лебедушкой
 Въ небѣ синемъ не гуляешь ты:
 По земль теперь ты носишься,
 Какъ раба земли невольная...
 Ахъ, задумала ты думушку —
 Дико бросить свою родину
 И по счастье летучее
 Мчатся пташкой безпріютною
 На чужу-дальну сторонушку,
 За луга, поля широкія,
 За льса, за рьки быстрыя,
 За крутыя горы каменны,
 Что къ народу незнакомому,

Въ неизвѣстные обычаи!
Оттого, моя головушка,
Ты печально опустилася,
Очи свѣтлыя потуплены,
Брови темныя надвинуты;
Оттого ты, молодецкая,
Не сидишь, какъ прежде, съ удалю
На плечахъ своихъ раскидистыхъ,
И раздумать хочешь думушку,
И не хочешь разлучиться съ ней!

ТИТАНЬ.

Титань-младенець, тяжко связань,
Груститъ подь сводомь душныхъ стьнь...
За что судьбою онь наказань,
За что несетъ суровый плънь?

Но рано ль, поздно ль, грознымъ взломомь
На волю вырвется волкань —
И возмужавь, оковы съ громомь
Уронить мощный великань.

Такъ сынъ свободы, сынъ пареній,
Орель свергаетъ мракъ сътей ;
Такъ узы рветъ окръпшій геній
Въ отвагъ пламенной своей.

КЪ ЛУНѢ.

Дивишь ты, неба дочь, своимъ очарованьемъ,
Когда, окружена звѣздами и сіяньемъ,
Подъ пологомъ небесъ гуляешь, а кругомъ
Свѣжо, безоблачно въ просторъ голубомъ...
Стыдливо ты плывешь, чиста какъ голубица,
И смотритъ на тебя, любуясь, цвѣть-дѣвица,
И жертвуетъ тебѣ мечтатель сна часы.
Но я боготворить готовъ твои красы,

Когда, изъ-за одеждъ подвижныхъ тучи зыбкой,
 Проглянешь ты на міръ серебряной улыбкой,
 И ласково поля и холмы озаришь,
 Какъ будто поцалуй невесты подаришь!

Съ тучь, беременныхъ дождями,
Льются бурные ручьи:
Грусть и сумракъ надъ полями
Обезсиленной земли.

Но спъшить на смьну вёдро
Къ непріязненнымъ дождямъ...
Солнце весело и бодро
Вновь идетъ по небесамъ.

Благосклонно пламень Феба

Согрывает вновь поля,

И глядит на яхонтъ неба

Восхищенная земля.

Такъ, извѣдавъ ливень бурный

Наводняющихъ страстей,

Встрѣтишь ты полетъ лазурный

Плодотворно-ясныхъ дней.

КЛАДБИЩЕ.

Изъ дебри свой куполь поднявъ къ небесамъ,
Въ крась одинокой стоитъ Божій храмъ.

Онъ грозный пустынный, онъ сторожь могиль;
Его молчаливый приходъ окружилъ.

И путь къ нему темень, но вьчно открытъ:
День каждый ему все прихожанъ дарить;

День каждый густѣетъ все роща гробовъ —
Онъ всѣхъ принимаетъ подъ вѣрный покровъ.

И спать его гости въ глухой тишинѣ,
И нѣтъ отголоска въ глубокомъ ихъ снѣ.

Но скатится вечеръ — ихъ дивный покой
Одѣнется въ ужасъ подъ черною мглой...

И жизнью какихъ-то невѣдомыхъ силъ
Чудесно повеетъ тогда отъ могилъ.

Какъ будто кто сронить съ нихъ ношу цѣпей,
Какъ будто начнетъся въ нихъ говоръ костей.

И страшно къ мѣстамъ оживленно-нѣмымъ
Приблизится міра созданьямъ живымъ...

Но храмъ предъ гробами, храмъ Божій стоитъ!
Онъ мракомъ и силой и тайной обвить.

Настанеть мгновеніе: вдругъ озарёнъ,
Несказаннымъ свѣтомъ наполнится онъ,

И старецъ могучій, въ сіяньи вѣнца,
Является въ храмъ, и славить Творца,

И поле могиль знаменуетъ крестомъ,
И въ сумракъ летитъ его голосъ какъ громъ:

„ Миръ вѣчный почившимъ, молчанье гробамъ
„ Покой безтревожный холоднымъ костямъ!

„ Ничто да не рушитъ сонъ Божьихъ рабовъ,
„ Пока не прогренетъ труба съ облаковъ!“

ВАВИЛОНЪ.

Необузданный и чудный,
Сотворивъ кумиромъ ложь,
Городъ пышный, многолюдный,
Ты ликуешь и цвѣтешь!
Похититель пирной славы,
Ныгъ волшебнo-золотыхъ,
Подняль ты съ земли дубравы
И висеть заставилъ ихъ.

Плавать въ безднѣ наслажденья,
 Въ морь благъ — тебѣ законъ;
 Для трудовъ самозабвенья,
 Для любви ты не рождень...
 Ты не помнишь, что на свѣтъ
 Есть другіе города —
 Братья въ скудости, не въ цвѣтъ,
 Съ горемъ дружные всегда.

Пусть они, бѣдами сыты,
 Стонуть въ мукахъ роковыхъ —
 Ты, счастливецъ именитый,
 Отвергаешь вопли ихъ;
 Кровныхъ чувствуя презрѣньемъ,
 Знать не хочешь нищеты,
 И слѣпымъ столпотвореньемъ
 Заняль руки и мечты.

И Творецъ тебѣ не страшенъ...
 Пусть потопъ наводитъ Онъ,
 Ты взойдешь на выси башень,
 Занесенныхъ въ небосклонъ.

И хоть шарь земной съ горами,
 Съ сонмомъ роць, полей и нивъ
 Захлебнется подь водами —
 Нужды нѣтъ: ты будешь живъ!

День разсыянный, день нестройный
Мною властвует как рабомъ;
Въ суеть его безпокойной
Я ношусь и кружусь перомъ...
Нѣтъ ни силы въ душъ, ни воли,
Нѣтъ мечты въ умъ золотой,
Нѣтъ на сердць колючей боли,
Нѣтъ и радости въ немъ живой.

Но лишь смолкнетъ день этотъ буйный,
 И волнами на міръ падетъ
 Сумракъ вечера тихоструйный,
 И покоемъ все обовьетъ —
 Начинаю я возрожденье:
 Грудь колыхнется и дрожить,
 Сердце съ силою про мученье,
 Про печали мнѣ говорить...
 Въ немъ воскреснетъ міръ тайнъ избранныхъ,
 И тоскуетъ оно объ нихъ,
 О привязанностяхъ попранныхъ,
 Умилительныхъ и святыхъ;
 И раждаетъ въ немъ скорбь и сладость
 Память юности и тѣхъ дней,
 Какъ ему улыбалась радость
 И надежда въ вѣнцѣ лучей!

СВѢТЬ.

Сперва съ отрадой суевѣрной
Душа на цѣлый свѣтъ глядитъ
И въ простотѣ нелицемерной
Открытый міръ боготворить.
Вся жизнь ей кажется залогомъ
Блаженства, счастья, мечты,
Весь свѣтъ плѣнительнымъ чертогомъ
Неизъяснимой красоты.

И въ думь пламенно-могучей
 Она хотѣла бы обнять
 Весь міръ любовію кипучей,
 Превознести, облобызатъ...
 О, дайте красокъ самоцвѣтныхъ,
 Одѣть все въ радужный покровъ!
 О, дайте пьсень искрометныхъ,
 Лучистыхъ звуковъ, жаркихъ словъ!

Но скоро съ чуднымъ обаяньемъ
 Душа разстаться ужь должна...
 Восторгъ погасъ; негодованьемъ
 Воспламеняется она.
 Передъ ея смущеннымъ взоромъ
 Разоблачился этотъ свѣтъ,
 Со всѣмъ стыдомъ, со всѣмъ позоромъ
 Страстей торговыхъ и суетъ...
 О, чѣмъ доврчиво пльнялась,
 Чему восторгъ она несла,
 Какой личиной ослѣплялась,
 И въ чемъ любсвію жила!

И гнѣвъ кипящій въ ней клокочетъ :

Надеждъ отрадныхъ лишена,

Разочарованная, хочетъ

Изранить черный свѣтъ она —

Снять чешую съ пифона-змѣя,

Коварство, хищность обнажить,

Постигнуть ужасомъ злодѣя,

Порокъ и месть оцѣпенить...

О, дайте мѣткихъ стрѣль, могучихъ,

Міръ ядовитый поражать!

О, дайте, дайте молній жгучихъ,

Перуновъ огненную рать!

ЗВЪЗДОЧКА.

Ты, мечтатель грустный, свѣдаль
Въ небѣ звѣздочку, и ей
Подчинилъ себя и предаль
Сны безрадостныхъ стѣрастей.
Смотришь въ дальнюю пучину,
Въ это поле, гдѣ она,
Выбравъ темную долину,
Блещеть весело одна.

Ей подругъ-сестеръ не нужно,
И безъ нихъ она дивить,
Пламенисто и жемчужно
Въ отдаленіи горить.
Восхищень ея сіяньемъ
Въ тишинъ святыхъ ночей,
Ты и взоромъ и желаньемъ
Горячо слѣдишь за ней;
Вознося ревнивый шопоть,
Предаешься и мольбъ,
Изливаешь тайный ропоть,
Шлешь вопросы о судьбъ...
Ты твердишь ей то мгновенье,
Какъ ея обѣтный лучъ
Поразилъ впервые зрѣнье
Сквозь туманъ вечернихъ тучъ,
И на яхонтъ далѣкомъ
Обозначился ярчѣй,
Будто выглянуль пророкомъ
Утѣшенья, свѣтлыхъ дней!

ВОСПОМИНАНІЕ.

Смирная тревогу въ груди уязвленной,
Задумчиво-грустный, когда-то одинъ
Бродилъ я въ пустынь, въ глуши отдаленной,
Межъ дебрей туманныхъ, межъ скаль и стремнинь.
Въ суровой крась предо мной подымались
Громады утесовъ и шли до небесь,
И дико, но голосомъ тайнь откликались
Мнѣ звучныя скалы, и дебри, и лесь...

Бесѣдовалъ съ ними дневной я порою,
 Бесѣдовалъ съ ними во мракъ ночей,
 И слышала и чувствовала тихой душою
 Глубокую рѣчь говорливыхъ ключей.
 Но что мнѣ вѣщали тѣ скалы, стремнины?
 Какія ронились мнѣ въ душу слова?
 Ахъ, это была звукъ безначальной Причины,
 Святой, сокровенный глаголь Божества!

И все проникалось тамъ мыслью одною,
 Все громко твердило о силѣ Творца,
 И все заповѣдной цвѣло чистотою—
 Нетлѣннымъ урокомъ Владыки-Отца . . .
 И въ воздухъ свято парили станицы
 Пернатыхъ—пустыни смиренныхъ жильцовъ,
 И съ голосомъ лебедя рѣчь голубицы
 Сливалась въ молитвенный гимнь средь льсовъ.

И сладко вздохнулъ я: въ груди облегченной
 Опять просіяла упованія свѣтъ,
 И я ужъ не помнилъ, въ отрадѣ священной,
 Ни прежней печали, ни прежнихъ суетъ.

СВИДАНІЕ.

изъ Гёте.

Возможно ль, вновь нѣмбѣя руки
Тебя, свѣтиль свѣтило, жмутъ!
О, что за бездна ночь разлуки,
Какая цѣпь скорбей и смуть!
Такъ, это ты, струя живая
Моихъ возвышенныхъ отрадь;
Я трепещу предъ встрѣчей рая,
Мученій прошлыхъ помня адъ

Когда міръ темный въ снѣ глубокомъ
 На лонѣ Бога жизнь тайль,
 И въ люботворчествѣ високомъ
 Богъ первый часъ установиль,
 И рекъ—да будетъ! зазвучало
 Тогда бользненное ахъ,
 И мощной бытности начало
 Заговорило въ пустотахъ.

Явился свѣтъ! Полна испуга,
 Въ пучины ринулася ночь,
 И побѣжали другъ отъ друга,
 Раздѣлены, стихіи прочь.
 Еще не въдая призванья,
 Какъ въ грезахъ дивныхъ и слѣпыхъ,
 Мертво, безъ звука, безъ желанья
 Стремилась каждая изъ нихъ.

Все было пусто, непробудно,
 Богъ въ первый разъ былъ одинокъ!
 Тогда зарю Онъ создалъ чудно,
 И ужась весь предъ нею лёгъ.

Она игрою красокъ нѣжной
 Мѣрь безотрадный обняла,
 И въ широтѣ его безбрежной
 Любовь и сила ожила.

И жаждетъ все неодолимо
 Съ частицей встрѣтиться родной,
 И чувство, взоръ ненасытимо
 Стремятся къ жизни золотой . . .
 И вотъ, подъ вихремъ сочетанья,
 Слилося все одно съ другимъ!
 Богъ опочилъ отъ мірозданья,
 И мы вселенную творимъ.

Такъ, запылавъ, заря спышила
 Къ твоимъ устами меня примчатъ,
 И ночь къ союзу приложила
 Тысячезвѣздную печать.

.

К. К. П — ВОЙ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Не блещеть столикъ вашъ спъсиво
Ни кипарисомъ, ни ръзьбой,
Но онъ альбомъ красноръчивой,
Хоть безотвѣтный и нѣмой.
На немъ красуется собранье
Любезныхъ памяти вещей—
Сердечныхъ чувствъ повѣствованье,
Рѣчь безглагольная друзей...

Дивится взоръ, вперенный жадно:
 Какъ много сладкихъ знаковъ здѣсь!
 Какъ говорить душъ отрадно
 Ихъ привлекательная смѣсь!

Но какъ ихъ звукъ нѣмой ни жарокъ,
 Межъ ними громче и милѣй
 Перо, божественный подарокъ
 Олимпа свѣтлыхъ дочерей:
 Вы имъ прекрасно и законно
 Всегда владѣете, и намъ
 Передаете благосклонно
 Думъ сокровенный еиміамъ!

Какъ вътеръ закрутитъ мгновенно прахъ летучій,
И вдругъ, исполнены отваги каленой,
Воинственно начнутъ накатываться тучи
На сводъ голубомъ, одѣтомъ тишиной,
И небо сжатое воспрянетъ, загрохочетъ,
И вздутая рѣка сердито заклокочетъ,
Тогда, невѣдомой восторженности полнь,
Люблю я услаждать мой слухъ игрою волнь;

Съ благоговѣніемъ ихъ дико-стройный голосъ
 И громъ святыхъ небесъ ловлю моею душой,
 И въ страхъ сладостномъ вздымается мой волосъ,
 И весь я становлюсь дрожащею струной.

Но, послѣ знойныхъ бурь, слезливо и печально
 Къ намъ осень тянется. . . На блѣдный небосклонъ
 Станицы хворыхъ тучъ сойдутся погребально,
 И въ сумракъ и въ дожди закутается онъ:
 Томятъ его и скорбь и немощныя раны,
 Перуновъ огненныхъ подарокъ роковой. . .
 По доламъ широко постеляются туманы
 И тощая волна подыметъ грустный вой.
 Тогда моя душа съ развѣчанной природой
 Горюетъ заодно, полна тяжелыхъ сновъ,
 И сердце не дрожить ни силой, ни свободой,
 И слухъ не празднуетъ подъ музыкой громовъ. —
 Но вотъ летитъ зима, летитъ зиждитель-холодъ;
 Водамъ куетъ броню его всесильный молотъ,
 И палица его клеймитъ земли кору,
 И блещутъ на стекль узоры поутру.

И снѣжные валы, возставъ, кипятъ сурово,
 И рощи, безъ одеждъ, свое заводятъ слово...
 Тогда я восхищенъ и жизни снова радъ!
 Раскинется вездѣ торжественность и воля:
 Разгульемъ удалымъ гудятъ равнины поля,
 И длится между скаль борея перекать...
 И этотъ гордый шумъ, холодный шумъ погоды,
 Мнѣ кажется лихимъ веселіемъ природы
 И смѣхомъ праздничнымъ надъ бурями тѣхъ дней,
 Какъ вспыхивала твердь отъ молнійныхъ огней!

Не такъ же ли трунить и опытная старость,
 Когда заснетъ огонь бунтующихъ страстей,
 Когда умолкнетъ ихъ слѣпая блажь и ярость
 И грудь не закипитъ опять отъ ихъ ключей?

СМЕРТНОМУ.

Не сътуй, смертный, вольнодумно,
Что жизнь мятежная твоя
Безъ цѣли рветъ слѣпо, шумно
Въ широкомъ полѣ бытія ;
Что ты кружишься легкимъ пухомъ,
Не зная около чего . . .
Угомонись скорбящимъ духомъ,
Не мучь разсудка своего !

Взгляни на міръ : не такъ ли мчатся
Подъ небосклономъ облака —
Придутъ, нависнутъ, удалятся,
И вновь летятъ издалека ?
Кто ихъ для вѣчнаго убранства
Задержитъ въ небъ голубомъ ?
Земля, игралище пространства,
Сама вертится колесомъ ;
И тверди гордыя свѣтила
Обречены на быстрый ходъ ;
Круговращательная сила
Весь поворачиваетъ сводъ.
И ты, мгновеннаго призванья
Мгновенный сынъ, ту жь долю знай,
Вертись... и чередъ созданья
Противорѣчить не желай !
Среди безсоннаго круженья,
Среди превратностей дыши,
И пей струю самопрезрѣнья
Въ холодной горечи души !

СЛЕЗЫ.

Дѣвственно-чистыя,
Слезы струистыя,
Грустный привѣтствуетъ васъ!
Полный томленіемъ,
Онъ съ наслажденіемъ
Льетъ васъ потоки изъ глазъ,
Вашею силою,
Съ жизнью постылою
Вновь примиряется онъ;

Вы облегчаете
Вы утоляете
Сердца страдальческой стонъ,

Такъ мнѣ, забытому,
Горестью сытому,
Плакать — веселье одно;
Въ тайномъ мученіи,
Слезь упоеніе
Мрачному сердцу дано...
Падайте жь, слёзы, вы!
Къ юности розовой
Душу стремите вы вновь;
Радость являйте мнѣ,
Чувствовать дайте мнѣ
Первые сны и любовь!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Замыкая полныхъ свѣтилъ хороводъ,
 Вьстникъ утра, горитъ люциферъ средь высотъ.
 Онъ роскошно надъ сонной моею головой,
 Сквозь окно, сыплеть свѣтъ брилліантовый свой;
 Онъ жемчужными искрами будить меня
 Встрѣтитъ близкое пиршество новаго дня.
 И, покорный призывному блеску его,
 Я встаю торопливо отъ сна своего...

Но какія заботы, какія мечты,
 Утра вѣстникъ святой, озарилъ во мнѣ ты?
 Неизмѣнный далеко есть другъ у меня:
 И при сумракѣ ль ночи, при свѣтѣ ли дня,
 Про него я наполненъ мечтаній и думъ,
 Безъ него не отраденъ и утра мнѣ шумъ...
 Знаю, тамъ, въ одичалой, глухой сторонѣ,
 Онъ, мой вѣрный другъ, помнить, болить обо мнѣ;
 Знаю, въ жаждѣ свиданья, пронзенный тоской,
 Онъ несется оттуда — обняться со мной...
 И ретивые кони теперь сквозь лѣса,
 Сквозь пустырь его мчатъ, и надъ нимъ небеса,
 И въ глазахъ, замыкая свѣтиль хороводъ,
 Вѣстникъ утра, горить люциферъ средь высотъ,
 И привѣтно надъ томной его головой,
 Какъ и мнѣ, сыплеть свѣтъ брилліантовый свой.

ОБРАЩЕНИЕ.

Буйной мудрости внушеньямъ
Долго, долго я внималъ,
И подвластный заблужденьямъ,
Храмы рѣдко посѣщалъ;
Не боялся жертвы скудной
Предъ богами приносить...
Но теперь, согрѣтый чудно,
Ложный путь спѣшу забыть

Вижу : царь долинь безбрежныхъ,
 Раздирая бурный сводъ,
 На коняхъ перунобъжныхъ
 Зевсъ несется средь высотъ...
 Отъ громовъ его пучины,
 Стикса берегъ роковой
 И Атлантскихъ горъ вершины,
 Содрогаясь, мечуть вой.

Вижу, есть рука, что въ чинъ
 Все содержитъ и ведетъ,
 Что ругается гордынь,
 На смиренныхъ славу льетъ.
 Распустивъ надъ міромъ крылья,
 Счастье быстрое летитъ,
 Тьмъ несетъ дары обилья,
 А у твхъ отнять спѣшитъ.

РУССКОЕ ВИНО.

Здравствуй, Русское веселье,
Здравствуй, Русское вино,
Православное похмелье,
Чашь потопленное дно!
Ты по юношескимъ жиламъ
Влагой крѣпости бѣжишь,
И къ былымъ, каленымъ силамъ
Грудь увядшую стремишь!

Какъ возникли дни отчизны,
 Кто изъ Русскихъ чадъ, любя
 Свой предѣль безъ укоризны,
 Не отвѣдываль тебя?
 Кто въ пылу борьбы кровавой
 Дрался на-смерть, и не пиль?
 Кто, привѣтствованный славой,
 Чашь не пьнилъ и не биль?

Ты ли, П е т р ь, титанъ могучій,
 Передъ кѣмъ земли родной
 Разступился мракъ дремучій,
 Рухнулъ сонъ нашъ вѣковой —
 Ты ль не помнилъ круговую,
 Какъ злодѣевъ поражаль,
 Какъ надменность роковую
 Карла буйнаго смиряль?

Нѣтъ, объять хмвльнымъ порывомъ
 Полубожеской мечты,
 Пироваль и новымъ пивомъ
 Угостилъ Россію ты.

И съ твоей кипучей браги
 Разгулялася она,
 Силь зеленыхъ и отваги
 Пламеняющей полна!

Ты ли, чудный Ломоносовъ,
 Сынъ убогій рыбака,
 Непонятный для вопросовъ
 И бессмертный для вънка,
 Ты ль не въдалъ чаши мирной,
 Какъ науку пожиналъ
 И съ торжественностью пирной
 Въ небо крылья простиралъ?

Нѣтъ, паря къ богамъ и свѣту,
 Зналъ ты съ творчествомъ вино;
 Ты повель къ живому цвѣту
 Слова Русскаго зерно...
 И въ просторъ дня широкомъ
 Поднялось оно, и бьетъ
 Винограда жаркимъ сокомъ,
 И горить, и каплетъ медь!

Слава Русскому веселью,
 Слава Русскому вину,
 Православному похмелью,
 Чашь потопленному дну!
 Искони оно по жиламъ
 Влагой крѣпости бѣжить,
 И къ былымъ, каленымъ силамъ
 Грудь увядшую стремить!

ПОЭТЬ.

Не блещеть въ очахъ его свѣтъ вдохновенья,
Поникъ онъ угрюмо туманнымъ челомъ,
И смотритъ на арфу съ тоской отвращенья,
И струнь потревожить не хочетъ перстомъ.
Онъ помнить, онъ помнить ихъ сладостный громъ
И звуковъ потоки, быстрѣй водопада
Летѣвшіе съ арфы послушной въ тѣ дни,
Когда въ немъ кипѣли восторгъ и отрада

И теплились ярко святыя огни...
 Но гдѣ жь тѣ мгновенья? исчезли они.
 Душа онѣмѣла, душа одичала
 И скорбью ничтожества тяжело болить;
 Напѣвы затихли, струна замолчала,
 И мрачный пѣвецъ, пустотою убить,
 Съ презрѣньемъ и гнѣвомъ на арфу глядитъ...
 Ее ужь не хочетъ онъ видѣть святыней,
 Залогомъ прекраснаго въ мѣръ земномъ,
 А дико твердитъ ей: начто мнѣ ты нынѣ,
 Съ лукавой измѣной, съ предательскимъ сномъ?

Такъ жрецъ, приносившій дары всесожженья,
 Глядитъ съ отрицаньемъ на жертвенникъ свой,
 Лишенный огня и святаго куренья,
 Осыпанный пепломъ, охваченный мглой...
 Онъ видитъ — уже не воротится пламень,
 Съ его алтаря улетѣвшій къ богамъ,
 И шепчетъ въ тоскѣ: не разбить ли о камень
 Тебя, на которомъ потухъ оиміамъ?

Да войны поздравовъ благовиднѣе
Нисколько нѣтъ и въ войнѣ,
Стиховъ простижъ, стиховъ смирнѣе
Не являете войнѣ!

К. К. П — ВОЙ.

Мой предѣлъ прелесть и восторгъ
Никто не на мнѣ не возморгъ,
Но я прелесть, тождество, и восторгъ,
Ноль въ хвалѣхъ на войнѣ.

День благодатный, день рожденья
Вы огласите звономъ чашъ!
Явлюсь ли съ данью поздравленья
Я безъ стиховъ на праздникъ вашъ?

И вотъ что сердце вамъ лепечеть:
Да ниспошлетъ на васъ Зевесъ
Льтъ столь же много, сколько мечеть
Въ грудь вашу звуковъ отъ небесъ!

Да полны помысловъ блаженныхъ,
 Неистоцимыхъ и живыхъ,
 Стиховъ простыхъ, стиховъ смиренныхъ
 Не забываете моихъ !

Мой жребій мраченъ и ненастливъ,
 Никто мнѣ въ міръ не родня;
 Но я прославленъ, гордъ и счастливъ,
 Когда вы хвалите меня.

1840, Іюль.

БУРЯ.

Стоить гроза надъ темнымъ лѣсомъ,
Въ рѣку удалый вѣтеръ бьетъ,
И подъ свинцовымъ тучь навѣсомъ
Непроницаемъ небосводъ.
И стонетъ лѣсъ, и поле воетъ,
Утесы въ заревь громовъ,
И берега тѣснить и роетъ
Неукротимый бой валовъ.

И въ темномъ лѣсѣ воронъ чѣрный
 На соснѣ дряхлой и нагой
 Сидитъ, внимая гуль задорный
 Грозы веселой, молодой.
 И глазъ его, сверкая, бродитъ
 По грудь пней, среди стремнинъ...
 Не чары ль воронъ производитъ,
 Не онъ ли бури властелинъ?

И размахнувъ крылами живо,
 Подъ скрипъ деревъ и трепеть скаль,
 Вотъ съ мрачнымъ коршуномъ ретиво
 Перекликаться воронъ сталь:
 „Скажи, куда свои полёты
 Стремилъ ты нынче, сѣрый братъ?
 Съ лихой и доблестной охоты,
 Чай, воротился ты богатъ!

„Не видно ль гдѣ кровавой брани,
 Не слышно ль голоса мечей?
 Уже давно не брали дани
 Мы съ человѣческихъ костей!

Или раздоръ, пылая въки,
 Снялъ съ міра грозную печать,
 И не хотятъ ужь чловѣки
 Одинъ другаго пожирать?

— Вездѣ блуждалъ, вездѣ леталъ я,
 Какъ демонъ грустенъ и несытъ;
 Но крови слѣду не сыскалъ я —
 Война привѣтливая спить.
 Не видно въ чистомъ полѣ брани,
 Не слышно голоса мечей,
 И вѣрно, долго тучной дани
 Мы не возьмемъ съ людскихъ костей! —

„Нѣтъ, сѣрый братъ! я чую радость,
 Я вижу трупы вдалекѣ,
 И крови лакомая сладость
 Кипить на жадномъ языкѣ.
 Недаромъ лѣсь завылъ дремучій,
 Смутилась твердь и лоно водъ...
 Вѣдь это брани духъ могучій
 Предначинаетъ свой полѣтъ.

„О, скоро вспыхнетъ съчь пыланье,
 Заговорить войною міръ;
 Насытитъ смерть свое алканье,
 Созрѣетъ намъ роскошный пирь.
 И мы помчимся въ сонмъ дикомъ
 Туда, гдѣ тѣшился булатъ,
 И жатву плоти встрѣтя съ крикомъ,
 Отслужимъ свой надъ ней обрядъ!“

ВЕЧЕРЪ.

Съ насыщенныхъ свѣтомъ лазурныхъ долинъ
Скатился вычанный небесъ исполинъ,
И въ двери востока, намѣстникъ готовый,
Къ намъ шествуетъ мѣсяць; а западъ лиловый
Сіяньемъ вечерней звѣзды освѣщенъ :
Горитъ провозвѣстница мглы и заката,
И жаромъ и нѣгой волшебной объята,
Къ земль опускаетъ свой дѣвственный тронъ.

Пойду любоваться вечерней звездою,
И мѣсяцемъ яснымъ, и ласковой мглою;
Но слышу — кругомъ суетится народъ,
И вторится говоръ нестройныхъ заботъ...
А я, вдалекъ отъ черты многолюдной,
Въ покоѣ глубокомъ, въ тиши непробудной
Привыкъ любоваться вечерней звездою,
И мѣсяцемъ яснымъ и ласковой мглой;
Привыкъ ихъ встрѣчать одинокимъ привѣтомъ
На холмъ кремнистомъ, въ мохъ дикій одѣтомъ,
И радовать сердце, въ истомѣ тоски,
Задумчивымъ хоромъ пустынной рѣки!

ПРИМИРЕНІЕ.

Не бунтуй, душа, напрасно,
Прекрати съ людьми войну,
Проповѣдуй громогласно
Золотую тишину.
Что въ мучительномъ раздорѣ?
Онъ преслѣдуетъ, томить,
Онъ питаетъ наше горе,
Но отрадой не живить.

Если видишь въ людяхъ глупость,
Смесь невѣжества и зла,
Обвиняй природы скупость,
Что даровъ имъ не дала;
Не дала имъ разумья,
Цѣломудренной мечты
И священнаго стремленья
Въ міръ изящной красоты!

ИВАНЪ ВЕЛИКІЙ.

Въ кругу очертась заповѣдно-твердынномъ,
На холмъ великомъ, на холмъ святомъ,
Царей православныхъ жилищъ старинномъ,
Онъ сталь и вознесся къ ээиру челомъ;
Въ эпоху тревогъ и печали народной,
Въ дни голода вырось... недаромъ онъ тощъ!
И вѣть съ чела его мглою холодной,
И въ немъ откликаются воля и мощь.

Горить и красуется сторожь могучій,
Сокровище взору, источникъ мечтамъ,
И волны молитвъ и громовыхъ созвучій
Отъ купола яркаго мчить къ небесамъ.
Онъ къ Богу взываетъ, какъ Вьры посредникъ,
И смотритъ на міръ съ рубежа облаковъ,
И дней безграничныхъ державный наследникъ,
Смѣется полету холодныхъ вьковъ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Завьшень снѣгомь, кедрь високой
На темномь съверь стоить,
И клонить сонь его глубокой,
И въ тяжкомь онь покоѣ спить.

И снится кедру пальма: снится,
Какъ безотрадно тамь, вдали,
На югь пламенномь томится
Она, страдалица земли.

ПРИСТАНЬ.

Я съ волнами жизни смутной
Долго справиться не могъ ;
Вотъ у берега пріютно
Сталь мой трепетный челнокъ . . .
Благодатную свободу
Сердце чувствуетъ вполнѣ,
И любить одну природу
Предлагаетъ нынѣ мнѣ.

Время дѣтскихъ заблужденій,
Своеправнаго огня,
Съ вихремъ ярыхъ потрясеній,
Пронеслося для меня.
Все, что прежде волновало,
Въ сердце врѣзывая страсть,
Надо мною потеряло
Чародѣйственную власть.

И подъ гнетомъ непогоды
Тяжко стонуть ли моря,
И дрожать ли неба своды,
Молній заревомъ горя:
Передъ ними нынѣ смѣль я
И могущественъ стою,
Ихъ тревоги, мглы и стрѣль я
Не пускаю въ грудь мою.

ПЕРЕЛОЖЕНІЯ ИЗЪ БИБЛІИ.

ПРЕМУДРОСТЬ.

Краше перла, изумруда,
Чище солнечныхъ лучей,
Гдѣ живетъ она, откуда
Вѣчный свой струить елей?

Бездна молвить средь кручины:
Нѣтъ премудрости во мнѣ;
Откликаются пучины:
Нѣтъ ея на нашемъ днѣ.

Безгранично - величава,
 Утаилась отъ земли.
 — Намъ ея гремяла слава —
 Смерть и пагуба рекли.

Только міра Вседержитель
 Сльдъ премудрости постигъ,
 Безначально къ ней въ обитель.
 Прежде вѣчности проникъ.

Самъ Онъ, полный провидѣнья,
 Поднебесную блюдетъ,
 Знаетъ чинъ всего творенья,
 Вихрей вѣсь и мѣру водъ!

ОБОРОНА.

Кто живеть, молясь и вѣря,
Чуждъ бѣдамъ онъ роковымъ;
Сталь врага и зубы звѣря
Притупятся передъ нимъ.
Онъ пройдетъ сквозь вихрь и пламень,
Сквозь ревущій ураганъ;
За него гора и камень
И бездонный океанъ!

НАИТИЕ.

Не опыть смертному даруеть
Блаженной мудрости удѣль,
И не съдины знаменуеть
Краса высокихъ чувствъ и дѣль;
Шть, съ раннихъ лѣтъ намъ есть Учитель,
Его глаголь непобѣдимъ:
Самъ дивный вѣтъ Вседержитель
На насъ дыханіемъ святымъ!

Такъ, въ цвѣтъ юности незрѣлой,
 Я полонъ истинъ неземныхъ,
 И сердце жаждетъ рѣчи смѣлой,
 Бунтуя въ персяхъ молодыхъ.
 Изнемогаю, весь убитый
 Души глубокимъ торжествомъ,
 И грудь моя какъ мѣхъ, налитый
 Огнемъ клокочущимъ виномъ;
 И я уста открою шумно,
 И рѣки слова источу...
 Не постыжусь людей безумно
 И предъ лицомъ не замолчу!

СЪТОВАНИЕ.

Точать плоть мою бользни,
Въ сердць лютый скорпіонь...
Проклять будь навькъ, исчезни
День, когда я въ свѣть рождёнъ!

Да пожреть ту ночь пучина,
Мракъ и смерть, когда рекли:
Вотъ еще приносить сына
Естеству жена земли!

Да не вспомнить ночи этой
 Міроздатель никогда;
 Кто ей другъ, тотъ вѣчно еѣтуй
 Въ безднѣ горя и стыда.

Да померкнутъ и въ гробницы
 Лягутъ звѣзды ночи той,
 И она красы-денницы
 Не дождется въ скорби злой!

Потому что не закрыла
 Чрева матери моей,
 Не стоптала, не разбила
 Чашу мнѣ посланныхъ дней.

О, зачѣмъ, едва зачатый,
 Не погибъ въ утробѣ я!
 Для чего меня взяла ты
 На колѣни, мать моя?

Для чего сосцы кипѣли
 Мнѣ отраднымъ молокомъ?
 О, зачѣмъ я въ колыбели
 Не заснулъ могильнымъ сномъ!

Стонъ и жалобы волнами
 Съ устъ моихъ бы не текли...
 Я бы спалъ теперь съ царями
 И съ могучими земли.

Въ мѣръ томъ гроза и ярость
 Бурныхъ душъ утолены,
 Отдыхаютъ трудъ и старость
 Подъ крылами тишины.

О, зачѣмъ дѣтямъ мученья
 Небеса кидаютъ свѣтъ
 И не рвутъ скорѣй теченья
 Жизни, полной слезъ и бѣдъ!

Кто здѣсь ищетъ, будто клада,
Мглы и сѣни гробовой,
Не летить къ тому отрада —
Смерть, дающая покой.

СВИДѢТЕЛЬ.

И день и ночь я лью стенанья,
Но ты, земля, ихъ прочь гони,
Окамень для состраданья
И слухъ безчувственно сомкни!
Мнѣ есть Внимающій, Кому я
Несу печаль души моей,
Предъ Кѣмъ, растерзанный, точку я
Безсонно-жгучихъ слезъ ручей!

100

Наше сердце вечно
Уверено в правду
И в одно мгновение
И в нас улетит в прах.

ВЕРИТЬ И ТВОРИТЬ

Богъ насъ проводить чрезъ горнило
Злыхъ испытаній, чтобъ сердца
Крѣпчали мужествомъ и силой
И рдѣлись вѣрой до конца.

Его ль пути, какъ наши, слѣпы,
И Онъ ли въ граняхъ слованъ былъ?
Произнесетъ ли судъ нелпый,
Кто землю съ небомъ сотворилъ?

Когда святое дуновение
 Удержитъ въ пламенныхъ устахъ —
 Покинетъ все въ одно мгновенье,
 И мiръ уляжется во прахъ!

ПСАЛОМЪ НА ГОЛІАӨА.

И юнь и малъ предъ всѣми былъ я
Въ дому отца, и по полямъ
Овецъ смиренныхъ предводилъ я,
Душою тихъ и кротокъ самъ.
Мои неопытныя руки
Органъ составили, и я
Перстами ткалъ на струнахъ звуки,
Мірозиждителя хваля.

Но кто души восторгъ умильный
 Домчить къ небесной вышинь?
 Услышитъ Самъ его Всесильный!
 Послалъ Онъ вѣстника ко мнѣ..
 И принялъ я елей избранья,
 И чудно взять былъ отъ овецъ,
 Чтобъ оправдать знаменованья
 И на чело надѣть вѣнецъ.

Моихъ великихъ, славныхъ братій
 Господь любовью не вѣнчалъ.
 Мнѣ бурю идольскихъ заклятій
 Язычникъ страшный изрыгалъ..
 Но онъ у ногъ моихъ застынулъ:
 Я вырвалъ мечъ изъ рукъ его,
 И съ головой безумца скинулъ
 Позоръ съ народа моего.

191

ПСАЛОМЪ 8.

О Ты, что держишь скипетръ вѣчный,
Кто силь Твоихъ измѣрить вѣсь?
Ихъ не обниметь безконечный
Просторъ пучинъ и глубь небесъ.
Ты въ грудь младенцевъ безглагольныхъ
Вложилъ восторгъ, и потекла
Изъ усть ихъ дивно-богомольныхъ
Благоуханная хвала.

Взгляну я, трепетно-мятежный,
 На пологъ неба голубой,
 На звѣзды, мѣсяць бѣлоснѣжный,
 На все, что создано Тобой;
 И цѣпь великую творенья
 Я вижу... Что же сынъ земли,
 Надъ кѣмъ, Создатель, попеченья
 Незримо носятя Твои?

Немногимъ, Боже, ограничилъ
 Ты противъ ангеловъ его,
 Дарами, славой возвеличилъ,
 И ввѣриль ключъ ему всего...
 Онъ царь земли — его рукою
 Утишенъ бурный пылъ звѣрей;
 Онъ выше тучъ ступилъ пятою,
 Похитилъ тайнства морей.

ИЗЪ СОЛОМОНА.

„Печалень, малъ путь жизни нашей,
Рекли неправыя сердца:
И чловьку съ горькой чашей
Ньтъ избавленья отъ конца.
Гдѣ провозвѣстникъ доли тайной,
Что скръплена могильнымъ сномъ?
Мы рождены темно, случайно,
И вновь къ ничтожеству пойдёмъ.

Лишь дымъ и призракъ въ насъ дыханье,
 А слово — сердца гуль слѣпой;
 Внутри замреть огня мерцанье,
 И тѣло пепель гробовой;
 Подобно капль, разольется
 Нашъ духъ, а имя и дѣла
 Какъ бы падуть на дно колодца:
 Ихъ осѣнить навѣки мгла.

И рухнуть наши дни уныло,
 Слетять, какъ утренній туманъ,
 Почуя жаркое свѣтило,
 Слетаетъ съ дремлющихъ полянь.
 Такъ! наша жизнь подобье тѣни;
 Бесплодно спрашивать хотимъ...
 Возврата нѣтъ изъ мрачной сѣни,
 И смерти путь неизбѣжимъ.

Пойдемъ же вслѣдъ за нашимъ мигомъ,
 Пойдемъ въ цвѣтущій нѣги садъ;
 Земнымъ не связанные игомъ,
 Потопимъ дни въ рѣкъ отрадь.

Устроимъ пиръ чредой желанной,
 Грудь сокомъ знойнымъ напоимъ,
 И обольемъ благоуханно
 Чело елеемъ дорогимъ.

Да не напрасно въ бездну кануть
 Разсвѣтъ и краски бытія;
 Возложимъ, прежде чѣмъ увянуть,
 Мы плющъ и розы на себя.
 Вездѣ оставимъ ликованья
 И шумной радости печать;
 Въ нихъ тайна здѣшняго призванья,
 Земли вънець и благодать.

И понесеть отъ насъ убогій
 Позоръ съ насильемъ роковымъ;
 Мы презримъ старца лепеть строгій,
 Вдовицы слезъ не пощадимъ.
 И мужа правды медомъ лести
 Угмонимъ коварно мы,
 И сбережемъ его для мести,
 Для адской гибели и тмы.

Затѣмъ что насъ онъ порицаетъ,
 Дѣяній тусклыхъ не любя,
 И суевѣрно величаетъ
 Господнимъ отрокомъ себя.
 Его стези, его укоры
 Намъ ядовитѣй клеветы;
 И снестъ не могутъ наши взоры
 Его угрюмыя черты.

И мы направимъ хищно руки
 Противъ докучнаго врага,
 И вкусить смерть, позоръ и муки
 Упрямый Господа слуга.
 Тогда, въ кровавое мгновенье,
 Мы взвѣсимъ легче и яснѣй,
 Сколь неподвижно въ немъ терпенье
 И глухо сердце для страстей!

Рекли питомцы преступленья
 Въ змѣино-демонской мечтѣ,
 И тайнъ высокихъ Провидѣнья
 Не отгадали въ слѣпотѣ;

Разбили чистое желанье,
 На доблесть подняли мечи,
 Добру отвергли воздаянье,
 Сорвали съ мужества лучи.

Нѣтъ, не на тлѣнь и скоротечность
 Богъ чловѣка сотвориль;
 Онъ далъ ему права на вѣчность
 И въ немъ Себя изобразиль.
 Но смерть губительнымъ вліяньемъ
 Силь черныхъ въ міръ занесена:
 Кто обречень ей достояньемъ,
 Того въ свой зѣвъ беретъ она.

ИЗЪ СОЛОМОНА.

Причастный гроба узамъ чёрнымъ,
Первосозданнаго я внукъ:
На землю палъ зерномъ покорнымъ
И издалъ плача грустный звукъ.
Съ цѣлебнымъ сокомъ наслажденье
Доиль мнѣ матерній сосецъ...
Всѣмъ одинаково рожденье,
Всѣмъ одинаковъ и конецъ.

И къ Небу я мольбой смиренной
 Воззваль, на тяжкій зрѣя путь,
 И духъ премудрости нетлѣнной
 Наполниль сумрачную грудь.
 Въ огонь святыхъ ея глаголовъ
 Душа растаяла моя,
 И выше скиптровъ и престоловъ
 Ее почтилъ въ отрадѣ я.

Предъ ней земныя украшенья
 Какъ прахъ, разсыпанный у ногъ;
 Безцвѣтны яркія каменья,
 А груды золота — песокъ.
 Я не алкаль красы тѣлесной,
 Упругихъ мышцъ — ея просиль,
 Затѣмъ что лучъ ея небесный
 Творецъ изящества и силъ.

И вотъ рѣкой съ ея дарами
 Ко мнѣ сокровища пришли;
 Стоять богатства предъ очами,
 Какъ дань услужливой земли.

Облекся я порфирной властью,
 Уснуль на радужныхъ цвѣтахъ...
 Премудрость дверь къ живому счастью,
 Алтарь щедроть, царица благъ.

Какъ тать, ее безвѣстнымъ кладомъ
 Я не запрю въ груди моей;
 Но брызну мощнымъ водопадомъ
 Въ ненапоенный слухъ людей.
 Мнѣ даль восторгъ и звучный лепеть
 Самъ Богъ, премудрости Отець...
 Въ Его рукъ усть нашихъ трепеть
 И струны чуткія сердцець.

Онъ даль мнѣ знать ходъ міра дивный,
 Законы движущихъ имъ силъ,
 Время порядокъ непрерывный
 И вѣчный бѣгъ и чинъ свѣтиль;
 Даль вѣдать бурь напѣвъ угрюмый,
 И безсловесныхъ дикій нравъ,
 И челоуѣческія думы,
 И жизнь деревъ, и свойства травъ.

И что въщаетъ взору явно,
 И что молчитъ среди завьсь,
 Всему наставила державно
 Меня премудрость, мать чудесь.
 Живеть въ художницъ высокой
 Духъ — рая чище и святѣй,
 Все проникающій глубоко,
 Сходящій молніи быстрѣй.

Какъ Божьихъ тайнъ и дѣль начало,
 Премудрость править всѣмъ одна,
 И славы Творческой зеркало,
 Пророковъ движетъ грудь она.
 И звѣзды въ прелести полночной
 Предъ нею тусклы, блѣдень свѣтъ;
 Смѣняетъ солнце мракъ урочный,
 Ей никогда заката нѣтъ.

Она лишь міру совершенство,
 Всему, что создано, вѣнецъ;
 Какъ безначальность и блаженство,
 Самъ возлюбилъ ее Творецъ.

И нашу плоть она съ терпньемъ
 И духъ нашъ съ святостью дружитьъ,
 И цѣломудреннымъ смиреньемъ,
 И правдой, мужествомъ крѣпить.

И если смертный полнь желаній
 Съ чудесь и тайнь совлечь печать,
 И сокровенный смыслъ гаданій
 Разоблачить и прочитатъ :
 Она лучемъ своихъ наитій
 Вездѣ ему покажетъ свѣтъ,
 И развернетъ чреду событій
 Въ пучинной будущности льтъ.

Ея искаль, ее избраль я
 Себѣ невѣстой съ юныхъ дней,
 Суеть владычество попраль я
 И сердцу жить назначиль съ ней.
 Я вѣриль, будетъ мнѣ подруга
 И вождь она въ трудахъ земныхъ,
 Цѣлитель скорбнаго недуга,
 Бальзамъ печалей роковыхъ.

Въ союзъ съ нею мнѣ народы
 Дадутъ высокой славы чинъ;
 Мои младенческіе годы
 Похитятъ почестъ у съдинъ;
 И въ кругъ бесѣдъ людскихъ на пренъе
 Я побѣдительно войду,
 И сердце сильныхъ въ изумленъе
 Могучимъ словомъ приведу.

И если стану я молчанъе
 Хранить, объятый роемъ думъ,
 Всѣ погрузятся въ ожиданъе,
 Прервутъ докучный слуху шумъ;
 И если рѣчь моя широко
 И звучно будетъ пролита,
 Всѣ, подчиняясь ей глубоко,
 Положатъ палецъ на уста.

И въ снѣгъ могилы путь не страшень,
 Когда премудрость мнѣ покровъ;
 Ея величїемъ украшень,
 Жить буду въ памяти вѣковъ.

И вразумить меня верховно
Людьми господствовать она,
И покорятся безусловно
Мнѣ странъ безвѣстныхъ племена.

И содрогнется злой мучитель
Отъ мѣткихъ стрѣль рѣчей моихъ;
Я въ брани буду сокрушитель,
А въ миръ благостень и тихъ.
Войду безъ смуть въ мои чертоги,
Почію съ гостьей неземной...
О, съ нею нѣтъ душъ тревоги,
Съ ней безпечальность и покой!

ИЗЪ МОИСЕЯ.

Склоните къ смертному вниманье,
 Небесь лазурныя поля!
 Да слышитъ усть моихъ въщанье
 Съ морскими безднами земля!
 Да ниспадутъ мои глаголы,
 Какъ сладкошумный дождь изъ тучь,
 Какъ съ крутизны летить на доли
 И землю бьетъ гремучій ключь!

Душою, полной умиленья,
 Я имя Господа призывалъ:
 Ему настройте пѣснопѣнья,
 Курите жертвенникъ похвалъ!
 Въ дѣлахъ творенья возвеличенъ,
 Онъ любить истины печать;
 Его судъ грозный безграниченъ,
 Неизмѣрима благодать.

Но, дѣти Божьяго призванья,
 Попрали вы Его наказъ...
 Родъ буйный! Это ль воздаянье
 Творцу, спасающему васъ?
 Куда влечетесь безразсудно,
 Противъ Кого ополчены?
 Не Онъ ли вашъ Отецъ, Къмъ чудно
 И жизнь и счастье вамъ даны?

Окиньте зоркими глазами
 Первоначальные вѣка;
 Пусть пронесется передъ вами
 Людей и времени рѣка;

Спросите тьхъ, кто васъ родилъ,
 Пролейте слово къ съдинамъ —
 И чудодѣйственныя были
 Заговорять глубоко вамъ.

Когда, разсыявъ поколенья,
 Всевышній ходъ устроилъ имъ,
 Онъ поручилъ законы бдѣнья
 Надъ ними Ангеламъ святымъ;
 Себѣ жь, какъ жребій невозвратный,
 Одинъ лишь родъ избралъ во власть —
 И былъ Израиль благодатный
 Творцу возлюбленная часть.

Его Онъ поднйалъ отъ безсилья
 И въ даль завѣтную повель,
 Какъ съ торжествомъ принявъ на крылья
 Своихъ птенцовъ несетъ орель.
 Его насытилъ Онъ въ пустынь
 И спасъ отъ жажды и препонъ,
 И передъ нимъ погрязь въ пучинь
 Конегонитель Фараонъ.

И вель Создатель чадъ избранныхъ,
 Лія на нихъ щедроты дождь,
 И землю благъ обьтованныхъ
 Открыль очамъ ихъ Кръпкій Вождь...
 И тукъ овецъ они вкушали,
 И гроздій кровь и даръ полей,
 И камни медь имъ предлагали,
 И скалы капали елей.

И полонъ жизни, пресыщенный,
 Іаковъ Небу измънилъ,
 Поколебался, вождельный,
 И Бога спасшаго забыль.
 Желаньемъ суетно-кичливымъ
 Онъ растопталъ Еговы храмъ;
 Принесъ богамъ чужимъ и лживымъ
 Клятвопреступный ѿиміамъ.

И отъ измънниковъ сурово
 Ликъ отвратилъ Господь и рекъ
 Въ пыланьи ревности громовой:
 „Неблагодарень чельовкъ.

Да отягчить же казни мьра
 Сыновъ, отринувшихъ Творца;
 Не водворяется къ нимъ въра
 Въ окамененныя сердца.

„Вспылавъ, раскатится до ада
 Огонь отъ ярости Моей;
 Подъ нимъ растаетъ горь громада,
 Истлѣетъ жизнь и плодъ полей.
 И соберу на родъ лукавый
 Дни, закаленные въ бѣдахъ;
 Всѣхъ обезчадить мечь кровавый,
 Отъ алтарей погонить страхъ.

„Разсью ихъ, и съ содроганьемъ
 Ихъ жребій память сохранить... —
 Гдѣ эти боги, упованьемъ
 Которыхъ сердце ваше чтить?
 Вы ѡли жертвъ ихъ тукъ обильный,
 Вы наполнялись ихъ виномъ:
 Да оживутъ и васъ всесильно
 Покроютъ ласковымъ щитомъ!“

Хвала Творцу! Имъ въкъ держимый,
Ты съ плескомъ радуйся, ээирь!
Не умолкайте, херувимы,
Блажить престоль Его и мірь! —
Вамъ нѣтъ стыда, вамъ нѣтъ печалей,
Чьи вѣрой теплятся сердца...
А вы, отступники Скрижалей,
Вы ждите страшнаго конца!

ИЗЪ ІОВА.

Сивозь тумань, грозой кипящій,
Богъ перунами сверкаль
И глаголь громозвучащій
Необьятно простираль:
Кто ты, мужь земной юдоли,
Бога смьющій винить
И гордыню думь и воли,
Отъ Него хотящій скрыть?

Въ ризу крѣпости и славы
 Облачись, питомецъ лѣтъ;
 Стань, какъ царь, съ жезломъ державы;
 Я спрошу, ты дай отвѣтъ.
 Гдѣ ты была, когда паялась
 Толща сумрачной земли?
 Въ грани къмъ она стѣснялась,
 Кто ей строилъ верей?

И на чемъ ея подпоры
 Стали тяжкою пятой?
 Кто морямъ склепаль затворы,
 Очертилъ ихъ бѣгъ слѣпой?
 Кто раскинулъ надъ зыбями
 Неветшающій покровъ,
 Опоясаль ихъ шатрами
 Изъ тумановъ и паровъ?

При тебѣ ль родился ярко
 Утра свѣтъ, любовь очей,
 И заря вспылала жарко,
 Предводительница дней?

Ты ль, творя природы зданье,
 Чинь существь установиль,
 Въ бездыханность влил дыханье,
 Въ пепель слово зарониль?

Иль спустился ты въ пучины,
 Ихъ разгрянулъ и сомкнулъ?
 Сталь на звѣздныя стремнины,
 Твердь и тартаръ пошатнулъ?
 Гдѣ, скажи, обитель свѣта,
 Мглы и ночи колыбель?
 Покориль ты бурю льта,
 Уняль зимнюю мятель?

Кто стремительные грады
 Съ тучь бросаетъ, какъ свинець?
 Гдѣ снѣговъ таятся клады?
 Кто росамъ, дождю отецъ?
 Чья рука веселымъ лакомъ
 Наготу пустынь живить,
 Рядить въ мохъ покрытый мракомъ,
 Непривѣтливый гранить?

Иль прочтешь небесъ таблицы,
 Ихъ измѣнишь череду
 И притянешь за косицы
 Ты вечернюю звезду?
 Кто какъ чашу опрокинулъ
 Надъ землею неба сводъ
 И на немъ сложилъ и двинулъ
 Облаковъ летучій ходъ?

Ты ли грозное желанье
 Львовъ пустынныхъ утолилъ?
 На тебя ли упованье
 Ставятъ тигръ и крокодилъ?
 Кто въ глуши трущобъ унылыхъ
 Пищу ворону даетъ
 И птенцовъ его безкрылыхъ
 Пеленаетъ и блюдетъ?

Ты ль безстрашіемъ и рвеньемъ
 И красой вынчалъ коня,
 Налилъ грудь его кпльнемъ,
 Бурей силы и огня?

Посмотри: онъ, чуждъ печали,
 Бьетъ копытомъ по земль,
 Не уклонится отъ стали
 И ругается стрэль.

И твоей ли волей твёрдой,
 Полюбивъ надземный доль,
 Съ торжествомъ, съ отвагой гордой
 Въ небъ носится орёлъ?
 Беззаботливо-широко
 Распростеръ онъ крылья тамъ
 И стремить навстрѣчу око
 Ослѣпительнымъ лучамъ.

И зацѣпишь ли ты удою
 И запрешь ли въ тенета
 Водъ земныхъ царя и чудо,
 Неприступнаго кита?
 И ему рукой надменной
 Ты предпишешь ли законъ;
 И попросить ли смиренно
 У тебя пощады онъ?

Полонъ славы, полонъ силы,
 Узы станеть ли терпѣть?
 Какъ канать въ немъ свиты жилы,
 Ребра кованая мѣдь.
 Не услышитъ наводненья,
 И потопъ ему мечта;
 Приметь шумное стремленье
 Цѣлыхъ рѣкъ въ свои уста.

Онъ взыграеть, и трепещутъ
 Нѣдра влажной глубины;
 Какъ денница очи блещутъ,
 Бурнымъ свѣтомъ зажжены.
 Изъ ноздрей горящихъ клубомъ
 Раскаленный паръ бѣжитъ;
 Подъ его свинцовымъ зубомъ
 Черепъ скаль не устоитъ.

Водворяется свирѣпо
 На гранитныхъ персяхъ мочь;
 Передъ нимъ всегда и слѣпо
 Ходить пагуба какъ дочь.

Духъ его — растущій пламень,
Разрывающійся громъ;
Сердце, твердое какъ камень,
Будто наковальня въ нёмъ.

Спять на остріяхъ подводныхъ,
И сокровища, какъ прахъ,
Безъ числа подъ нимъ въ холодныхъ
Раскидались глубинахъ.
И встаетъ отъ ложа съ пиромъ,
Съ вѣчнымъ жаромъ великанъ:
Какъ сосудъ, налитый муромъ,
Кипятить онъ океанъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Говорится о Брюсѣ.
2. Здѣсь обозначено то время, когда водопроводная машина, устроенная въ двухъ верстахъ отъ Крестовской заставы, запирается, для осмотра и если нужно исправленія механическихъ ея снарядовъ; отъ чего и ходъ воды къ башнѣ останавливается. Это бываетъ каждодневно въ 9 час. веч. и продолжается не болѣе получаса.
3. Писано въ Сибири, по возвращеніи изъ первой повздки въ Москву.
4. Въ бытность (1838 г.) славнаго скрипача Оль-Буля въ Москвѣ, нѣкоторые весьма образованные люди, въ откровенной бесѣдѣ, слышали отъ него, что въ опасныхъ обстоятельствахъ жизни, когда онъ доходилъ до отчаянія, явилось ему существо нездѣшняго міра и открыло тайну властвовать надъ другими силою смычка. Разсказъ Оль-Буля составляетъ основу этой пьесы.

5. *Абалакъ* — названіе села, находящагося въ 25 верстахъ отъ **Тобольска**.
6. *Шанталыкъ* — нынѣшнее село **Ивановское**, въ 10 верстахъ отъ **Тобольска**.
7. Съ 1664 года.
8. **Икону** приносятъ въ **Тобольскъ** 8 **Іюля**.
9. **Икона** подымается оттуда обратно въ **Абалакъ** 23 **Іюля**. Мѣстное уваженіе къ ней до того распространено, что даже самые послѣдователи **Алкорана**, во время крестнаго хода, присоединяются къ массѣ христіанъ, во множествѣ идущихъ за **Образомъ**, и ставятъ предъ нимъ свѣчи, а иногда дѣлаютъ разные вклады.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе.

Письмо В. А. Жуковскому.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Стр.

Къ солнцу	1
Возрожденіе	3
День и ночь	6
Затворицы	8
Сухарева Башня	14
Гроза	20
Молитва	22
Сонъ Ломоносова	27
Колоколь въ Кремль	32
Прекрасной	37
Артистъ . Музыкантъ	39
И какъ свѣтло и какъ прекрасно	46
Покойница	48

Кукушка	49
Схимникъ	52
Куда детишь, сожженный пыломъ	55
Утѣшеніе	56
Троицынъ день	58
Сирота	61
Луна	67
Сонетъ	69
Свѣтъ и мракъ	71
Разыгралось сине море	73
Воспоминаніе	75
Демонъ	77
Молитва Иверской	79
Свѣтлое Воскресеніе	81
Абалакъ	83
Мой домикъ	104
Городъ	107
Павлинъ и пава	109
Безпокойство	112
Дума	115
Титанъ	118
Къ лунѣ	120
Съ тучь, беременныхъ дождями	122
Кладбище	124
Вавилонъ	127

	<i>Стр.</i>
День разсѣянный, день нестройный	150
Свѣтъ	152
Звѣздочка	155
Воспоминаніе	157
Свиданіе	159
К. К. П—вой, въ альбомъ	142
Какъ вътеръ закрутитъ	144
Смертному	147
Слезы	149
Пробужденіе	151
Обращеніе	153
Русское вино	155
Поэтъ	159
К. К. П—вой	161
Буря	163
Вечеръ	167
Примиреніе	169
Иванъ Великій	171
Изъ Гейне	173
Пристань	174

ПЕРЕЛОЖЕНІЯ ИЗЪ БИБЛІИ:

Премудрость	179
Оборона	181
Наигіе	182

Сѣтованіе	184
Свидѣтель	188
Богъ насъ проводитъ чрезъ горнило	189
Псаломъ на Голіаѳа	191
Псаломъ 8	195
Изъ Соломона	195
Изъ Соломона	200
Изъ Моисея	207
Изъ Іова	215
Примѣчанія	221

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Стран. 21 ст. 1 — предъ КѢМЪ

Стран. 172 ст. 8 — холодныхъ

Читатъ:

подъ КѢМЪ.

голодныхъ.

